

Матяана Терцук Антизоушка

Антизолушка

Татяна Герцик

Антизолушка

«Дана Хадсон»

2014

Герцик Т.

Антизолушка / Т. Герцик — «Дана Хадсон»,
2014 — (Антизолушка)

ISBN 978-1-31-078371-5

Ох, уж эта мужская гордость!.. Именно она заставляет Илью Зайцева отказаться от любви взбалмошной Лизы Королевой. Ведь какая у нее может быть любовь? На день, на два? А Илье нужно на всю жизнь. И вообще они не пара. Он простой инженер, а она единственная дочка мультимиллионера. Но порой судьба под Новый год делает удивительные подарки...

ISBN 978-1-31-078371-5

© Герцик Т., 2014
© Дана Хадсон, 2014

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Татьяна Герцик

Антизолушка

Автор искренне благодарит за помощь и поддержку Сергея Викторовича Зайцева, прототипа этого романа

Глава первая

Зеленоватые огоньки на диагностическом стенде опечаленно погасли. Зайцев снял безнадёжную материнку и небрежно швырнул ее на скользкое ламинированное покрытие рабочего стола. Она проехала по пыльной столешнице, рывками вращаясь вокруг своей оси, словно бездарная танцовщица, и уткнулась в стопку ненужных бумаг на краю. Проследив за ней недовольным взглядом, Зайцев снял наушники и удивленно прислушался. В отделе царила непривычная тишина. Выйдя из своего закутка, с недоумением обнаружил пустынную комнату. Куда все подевались?

Позади громко хлопнула входная дверь. Поскольку на ней стоял кодовый замок и беспрепятственно войти могли только свои, не оглядываясь, недовольно пробурчал:

– Ну, наконец-то! И где вас черти носят?

Раздался легкий перестук каблучков, его овеяло нежным ароматом, и перед глазами возникла хрупкая блондинка с огромными прозрачно-синими глазами на бледном фарфоровом личике, совершенно неподвижном, как маска.

Сердце дало сбой и забилось неровными злыми толчками. Он сделал шаг ей навстречу, одним взглядом охватывая ее стройную фигурку. В глаза бросилась провокационно оставленная тоненькая полоска незагорелой кожи между коротеньким пиджачком и низко сидящими брючками. Он досадливо передернулся. Вот ведь какая подлая мода нынче пошла, мужиков дразнить!

С трудом заставил себя оторвать глаза от манящей полоски и перевести взгляд повыше. Но и там оказалось небезопасно. Глубокий узкий вырез облегающего топики открывал нежную шею и спускался вниз, к белоснежной шелковистой ложбинке, где покоился чуть сбившийся набок маленький серебряный крестик. Зайцеву захотелось заглянуть поглубже, но взгляду помешала голубая кружевная вставочка, с неожиданной скромностью прикрывшая остальные прелести.

Девушка, которую в их конторе полуласково, полунасмешливо называли Лизонькой, с отрепетированной белозубой улыбкой посмотрела на него младенчески ясным взором и мелодично поинтересовалась неожиданно низким контральто:

– Где *меня* черти носят?

Зайцев с силой вытолкнул застоявшийся в легких воздух. Было бы здорово, если бы эти самые черти действительно ее где-нибудь носили, желательно подальше от него. Хотя чем он недоволен? Если бы здесь были остальные парни, ее появление произвело бы фурор местного масштаба, ведь эта девушка – секс-символ их скромной конторы. Но проблема-то была в том, что он эту красивую глуповатую пустышку на дух не выносил.

Хрипловато бросил, оттянув внезапно ставшего слишком тесным ворот свитера:

– Нет, к вам мои слова отношения не имеют.

Блондинка удивленно обернулась. Пусто. Укоризненно склонив голову, спросила, уличая его в явном обмане:

– А к кому тогда? Здесь больше никого нет!

Он крепко сжал зубы, чтобы не ляпнуть лишнее. Правду говорят, что анекдоты происходят из жизненных наблюдений. Пример этой великолепной дивы наглядное тому подтверждение. Там, где есть красота, уму делать нечего.

Обстоятельно объяснил, чтобы дошло даже до нее:

– Я к вам спиной стоял, откуда я мог знать, что это вы решили посетить нашу скромную обитель? Думал, что вернулись сослуживцы. У меня на затылке глаз нет.

Лизонька удивленно округлила аккуратно подведенные темно-синей тушью глазки, и ему показалось, что сейчас она спросит, почему у него на затылке глаз нет. Но она лишь выпатила

накрашенные невинной розовой помадой пухлые губки и кокетливо протянула, потешно напирая на О:

– О, вы здесь все такие забавные! Не успеешь слово сказать, начинаете хихикать и глазки строить. Как барышни на выданье. Просто переориентация какая-то.

Скривившись, Зайцев тихонько чертыхнулся. Забавный! Вот еще! Он взрослый уравновешенный мужчина и до хихиканья в присутствии особ противоположного пола никогда не опускался. Чтобы поставить ее на место, насмешливо спросил:

– А откуда вы такое сложное слово знаете – переориентация?

Она вскинула длинные ресницы и с упреком глянула на него в упор.

– Но я же закончила экономический факультет классического университета! Знаете, как там трудно было учиться?!

Зайцеву с большим трудом удалось не фыркнуть ей в лицо. Как и большинство народу в их конторе, он был убежден, что диплом о высшем образовании его собеседница заработала чем угодно, но только не мозгами.

Почувствовав его неприязнь, Лизонька робко накрутила на палец выбившуюся из прически белокурую прядь волос, не понимая, в чем дело. Обычно всё было наоборот. Стоило ей появиться, как все особи нестойкого мужского полу начинали кружиться вокруг нее, как мотыльки вокруг огня. Но только не этот, всеми силами подчеркивавший свое равнодушие и даже холодность. И, хотя обычно она не обращала внимание на поведение мужчин, это подчеркнутое неодобрение ее задевало. И чем это она ему так досадила? Они с ним и не разговаривали никогда.

Стараясь поскорее закончить неприятный визит, спросила:

– А где все?

– Понятия не имею! Они не дети, а я им не нянька, чтобы отслеживать их передвижения!

Он упер руки в бока и с раздражением отвернулся к стенду. Ему работать надо! Вот ведь привязалась!

Лизонька показала язык его невежливой спине и отчетливо проговорила:

– Это очевидно! – провоцируя на такое забавное недовольство.

Зайцев немедленно оправдал ее ожидания, негодуя вскинувшись. Это что еще за ехидство? Намек на его затянувшееся холостяцкое существование, не предполагавшее, естественно, наличие детей? Резко повернулся к ней и наткнулся на простодушный взгляд. Не найдя на хорошеньком сексапильном личике и намека на интеллект, решил быть терпеливым и корректным, все-таки он мужчина, а она женщина, что, в соответствии с русским менталитетом, означает одно: он перманентно лучше ее во всех отношениях. Уступчиво спросил:

– А кто вам нужен?

Она затеребила правой рукой пальцы левой, чего-то застеснявшись. Это его развеселило. Разве она умеет стесняться? Камуфляж это один! Беспардонная игра на доверчивую публику. Но пусть не надеется поймать его на такую жалкую профанацию, он не доверчивый простачок.

Она робко прошелестела, не поднимая ресниц:

– Владимир Иванович.

Он артистично подыграл, ожидая продолжения спектакля:

– И зачем?

– А чтобы почистить вот это! – и она показала на зажатую подмышкой серую клавиатуру.

Зайцев насмешливо прокомментировал забавное требование посетительницы:

– И что, начальник отдела должен лично ее для вас вычистить? Сами не в состоянии? Взяли бы спиртовую салфеточку...

Она с нескрываемым ужасом взмахнула руками, и он понял: она в своих нежных пальчиках салфетки ни разу в жизни не держала. Белоручек он не терпел, и его мнение об этой пренеприятнейшей особе упало еще на несколько пунктов.

Проницательная Лизонька язвительно пропела, оставив дипломатию в стороне:

– А Владимир Иванович и не должен сам клавиатуру мыть. Он вполне может доверить это вам! Вы же его заместитель и вполне с этой работой справитесь! – Оценивая его возможности, оглядела его с ног до головы и с подчеркнутым сомнением добавила: – Может быть...

Зайцев пронзил раздраженным взглядом ее бесстрастное, как у карточного шулера, лицо, пытаясь найти следы насмешки. Но она смотрела на него с полнейшим равнодушием, даже улыбка, намертво приклеенная к губам, казалась абсолютно пустой. Он нервно передернулся и решил, что язвительность ему показалась. От перенапряга, должно быть. Не каждый день ему приходится встречаться тет-а-тет с такими красотками, опыта нет, вот и волнуется.

Категорично скомандовал, рассчитывая, что она, наконец, оставит его в покое:

– Положите клавиатуру на стол Владимиру Ивановичу! Придет и сам скажет, кто с чем справится!

Лизоньке не понравился его повелительный тон. Позволив себе чуть-чуть развлечься, капризно возразила, старательно соответствуя выбранной линии поведения:

– Но ведь это же долго! На чем я буду работать?

Он не выдержал и колко полюбопытствовал:

– А что, вы еще и работаете? Ну, извините, не знал!

Она задумчиво произнесла, медленно проводя розовым ноготком по четко очерченной темно-серой брови:

– Да доводится иногда, знаете ли. Хотя и нечасто. А представляете, если бы работать приходилось постоянно? Вот была бы морока! С ума сойти можно от одной мысли о таком кошмаре! – и, пряча в глазах насмешливый огонек, взглянула на него в поисках сочувствия.

Зайцев начал томительно закипать, как медный самовар, начиненный горячей лучиной. В голове вспыхнула чудная картинка: он хватает мишутку за шкурку, выкидывает из отдела и подпирает за ней дверь шваброй. Чтобы не превратить мечту в явь, от греха подальше засунул руки глубоко в карманы; вряд ли начальству понравится подобная вольность.

Лизонька без труда догадалась о бродивших в его голове скверных мыслях по его открытой физиономии. Оскорбление, пусть и не осуществленное, требовало возмездия. Похихикивая про себя, повела вокруг своими чудными глазками, выискивая предлог для отмщения. В отделе автоматизации она бывала уже не раз, и ее постоянно поражала здешняя захламенность и неухоженность.

Зная по опыту, что мужчин всегда обижают обвинения в неряшливости, пусть и справедливые, провела тонким пальчиком по столу, брезгливо посмотрела на ставший черным от грязи палец и высокомерно произнесла:

– Почему у вас так грязно? Просто отвратительно! Интересно, как вы среди этого хлама что-нибудь нужное находите? И как у вас уборщица убирает? Наверное, только полы и моет? Хотя и на полах у вас чего только нет! Нормально и убрать-то невозможно! Сразу видно, что в вашем отделе женщин нет! Какие же всё-таки мужчины неряхи!

Она небрежным взмахом руки указала на старые терминальные станции, сиротливо стоявшие по углам. Они были покрыты пушистой белесой пылью, как будто простояли тут много веков. Зайцев непредвзятым взглядом окинул свое убежище и впервые заметил, что у них в кабинете действительно ни пройти, ни проехать из-за раскиданной везде старой сломанной аппаратуры.

Это открытие возмутило его еще больше. Чего придирается, ведь прекрасно знает, что не мужское это дело, порядок наводить, да и уборщица на что? Сердито окрысился, не зная, как избавиться от назойливой посетительницы:

– А вы-то чем недовольны, вы же здесь не работаете! Идите к себе! Я уверен, что в вашем кабинете красота и порядок! Живите и радуйтесь!

Она пристально на него посмотрела.

– Конечно, у нас в отделе приятно работать! А вы разве не знаете? Вы же несколько раз к нам приходили, чинили мой компьютер.

– Какой компьютер?

– Ну, дохленький такой, ГЭГ называется. Он у меня самый старый в конторе. Давно менять пора. Жуткий тихоход, тормозит постоянно. На нем уже работать невозможно.

Зайцев кивнул и нахально соврал, чтоб не зазнавалась:

– Комп помню. А вас и комнату не помню. Да и какая разница?

Лизонька ему не поверила:

– Не помните меня? Меня?

Она ошеломленно уставилась на него, пытаясь определить, правду ли он говорит. Чтобы запомнили какой-то паршивый железный ящик, а не ее, никогда не бывало. Зайцев под ее пристальным взглядом неловко усмехнулся одной половиной рта, отчего выражение лица стало по-детски беззащитным и уязвленным.

Это ее почему-то умилило. Чуть нахмутив ровные брови, она припомнила все, что про него слышала: лет ему весьма за тридцать, не женат, до сих пор живет с родителями.

Оценив, решила, что выглядит он слишком заурядно, чтобы обращать на него внимание: средний рост, средний вес и намечающаяся лысинка сверху; серые глаза сверкают из-под насупленных черных бровей с откровенным неодобрением; на висках сквозь темно-каштановые волосы уже пробилась легкая седина. Одет в затрапезный черный свитерок с потрепанными джинсами того же цвета. Ладно, хоть ботинки начищены: это свидетельствует о каком-никаком, но культурном уровне.

Но все равно ни в какое сравнение ни с одним из ее поклонников не идет. Заурядный инженер, или как их там сейчас кличут. А тому, что она ему не нравится, есть примитивное объяснение: у него вообще нет интереса к женщинам. В последнее время это не редкость.

Зайцев, и без того уже кипевший от негодования, взорвался, когда просек сомнения, написанные огненными знаками на ее белоснежном лбу:

– Нормальная у меня ориентация, нормальная! Если вы мне не нравитесь, это еще ничего не значит! Просто я терпеть не могу тупых блондинок! – и напряженно замолчал, приготовившись к шквалу горячих слез и упреков.

К его удивлению, она не обиделась, а кокетливо поправив золотистый завиточек у виска, воскликнула:

– Не нравлюсь? Чудненько! Вы приятно отличаетесь от стандартной мужской массы!

Зайцев яростно заскрежетал зубами, и Лизонька, решив, что на сегодня она вполне достаточно повеселилась на его счет, положила клавиатуру на стол Владимира Ивановича, послала огорошенному собеседнику томный воздушный поцелуй и выплыла из отдела, изящно покачивая туго обтянутыми бедрами.

В бешенстве обернувшись ей вслед, Зайцев чуть было не выпалил вслух все, что думает о ней и ее повадках, но тут дверь распахнулась и под его зубодробительный взгляд попали уставшие и недовольные сослуживцы.

Вошедший первым Лешик Баранов несколько опешил от столь негостеприимного приема, и даже слегка пошатнулся, желая убраться из-под внезапного артобстрела, но быстро оправился и ликующе воскликнул, замерев у входа:

– Зайцев! Чую, ты недаром такой красный и взъерошенный! Не иначе, как целовался с Лизонькой! Наконец стал настоящим мужчиной! Давно, давно пора!

Пребывая в расстроенных чувствах, Зайцев погрозил балаболу крепко сжатым кулаком, раззадорив того еще больше. Смирненно сложив руки на груди, Лешик насмешливо покачался, низко склонив кудлатую голову:

– Ежели б мы знали, с кем ты здесь милуешься, весь день прокуковали бы на складе, лишь бы тебе не мешать!

Демонстративно не слушая несносного трепача, Илья повернулся к нему спиной, не желая быть предметом досужей болтовни. Да нужна ему эта кукла, впрочем, так же, как и он ей!

Игорю Петухову надоело топтаться в коридоре, выглядывая из-за плеч Лешика, и он с силой протолкнул его внутрь, заставив пролететь через весь отдел вертлявой стрелой и приземлиться аккуратно в собственное кресло, после чего вошел и с удовольствием подхватил интригующую тему:

– Да, Илья, колись, что у нас делала эта милашка? Надеюсь, ты не клялся ей в вечной любви? – С высоты своего многолетнего супружеского опыта рационально посоветовал: – Помни: никогда нельзя признаваться женщине в любви на первом свидании! Только на втором!

Объект всеобщего интереса сухо ответил, стремясь прекратить насмешки:

– Принесла клавишу помыть. Есть желающие, они же добровольцы?

Мужчины немедленно уткнулись в мониторы, в упор не слыша неприличного предложения, недостойного инженеров с полным высшим образованием. Зайцев саркастично следил за их жалкими потугами отвернуться от неприятной работенки.

Вошедший последним и не участвовавший в перепалке Генрих Рудт, упитанный потомок немецких переселенцев, вытащил из холодильника принесенные из дома сардельки с картофельным пюре, вытряхнул в объемистую тарелку, полил острым кетчупом и засунул в микроволновку. Пока обед разогревался, завистливо протянул, покачивая рыжей головой:

– И кому, интересно, эта роскошная девочка достанется? И сама хороша, и папа крут до невозможности. Вот зятючку-то отвалится – и квартирка приличная, и машинка импортная, и счетец в банке кругленький. И жена – картинка писаная! Всё при ней!

Микроволновка пронзительно запищала, сообщая об исполненном поручении. Рудт вытащил полную до краев тарелку, степенно сел за свой стол и принялся неспешно принимать пищу.

Лешик, принципиально не отвлекаясь на завораживающие голодный желудок ароматы и бестактно мешая нормальному пищеварению обедающего товарища, присвистнул и осуждающе заметил:

– Генрих! Что за недостойная зависть слышится в твоём баритоне?! Ты же удачно женат! Тот пожал плечами и ответил сквозь полный рот:

– Мечтать не вредно! Вредно не мечтать!

Игорь топорно встрял в задумчиво-прагматичный разговор:

– Ну, а как быть с умишком? Ну, ночью-то нормально, там не до разговоров, а как по вечерам и в выходные? С телевизором разговаривать или собаку завести? Чтоб тебя понимала? Так от такой жизни через пару лет жену, несмотря на дивную красоту, и пришить можно. Нервишки-то не выдержат.

Генрих несколько озадачился и даже почесал в затылке, пытаясь активизировать мыслительные процессы.

– Вопрос, конечно, сложный. Но я думаю, она гораздо умнее, чем кажется.

Тут все дружно расхохотались. Шутка удалась.

Зайцеву было не по себе от перемиывания Лизонькиных косточек и он, вовремя вспомня о своем руководящем статусе, посоветовал коллегам поменьше болтать и побольше работать, чем заслужил недоуменные взгляды от Лешика и Генриха и понимающее подмигивание от Игоря.

В отдел чинно вошел его руководитель, Владимир Иванович, внушительный мужчина предпенсионного возраста в добротном, тщательно отглаженном черном костюме-тройке, белой рубашке и при галстук. Подчиненные потихоньку злословили, что в таком виде на похороны большого начальника приходят, а не на работу в будний день. Удивляться тут было нечему, Владимир Иванович во всем стремился соответствовать своему высокому положению. Должен руководитель выглядеть прилично, вот он и выглядел.

Отыскал глазами Зайцева и строго спросил:

– Илья Викторович, вы почему на разгрузку компьютеров не пошли? Заболели, что ли?

Илья озадаченно заморгал. Он только сейчас заметил, что коллеги обрядились в черные погрузо-разгрузочные халаты.

– Какую разгрузку? Я ничего не слышал.

Лешик, обиженный на непорядочное, с его точки зрения, обвинение Зайцева, злорадно его заложил:

– Ясненько, опять сидел с затычками в ушах. Я специально ему чуть ли не в ухо гаркнул, что вниз идем, компы разгружать. Грузчиков же в нашей конторе нет. А вместо них мы, всегда на подхвате. Вчерась бумагу на склад перетаскали. Целый КАМАЗ. Позавчера – столы для общего отдела, которые потом сами же и собрали. Это ж какая для родной конторы экономия фонда заработной платы! Ну, спасибо, что хоть не унитаза привезли, а то и их устанавливать бы заставили. А что? Мы же здесь мастера на все руки!

Владимир Иванович, поморщившись, остановил его хвастливо-жалостливые причитания суровым взмахом руки.

– Ну-ну, уж кто-кто, а ты-то не перетрудился! – повернулся к сотрудникам, расхлябанно развесившим уши, и сурово спросил: – Что, своей работы маловато? Могу подбросить!

Лешик недисциплинированно возразил:

– У меня руки трясутся от перенесенных мною сегодня непомерных тяжестей! Я работать не могу! Мне отдохнуть надо минут двести! – после чего повернулся к монитору, включил нежно любимый мультик «Трое из Простоквашино», надел наушники и демонстративно уставился в экран, привольно вытянув длинные ножки.

Босс впился раздраженным взглядом в спину строптивца, пытаясь призвать того к порядку, но Баранов даже ухом не повел. Единоборство начальник – подчиненный закончилась блистательной победой последнего. Владимир Иванович, вздернув к глубоким залысинам кустистые брови, кротко вздохнул.

Негодующе отвернулся от нахального Лешика, но утешения не получил, взгляд уперся в благодушную фигуру закусывающего Генриха. Поняв, что в работоспособных остался лишь Зайцев, поскольку Петухов тоже пришел после разгрузки и имел полное право отказаться от работы, – чем он хуже Баранова? – подошел к сидящему за диагностическим стендом заму и мрачно спросил:

– Илья, что за клавиша у меня на столе валяется?

Зайцев кратко ответил, наблюдая за тестируемым винчестером:

– Королева принесла. Грязная она очень. Почистить требуется. – Уточнять, кого же требуется почистить: прибор или девушку, не стал.

Но у Владимира Ивановича вопросов не возникло. Он с детства отличался сообразительностью. Осторожно, двумя пальцами, как опасную для здоровья стеклянную банку с ртутью, поднял клавиатуру. Брезгливо потрогал серые от грязи клавиши и уныло согласился с неоспоримым фактом:

– Да, помыть надо. Займешься?

Зайцев возмущенно поднял голову.

– Почему я?

Руководитель озорно посмотрел на своего слабонервного заместителя.

– А что, не справишься?

Тот даже подавился от негодования, припомнив унижительные Лизонькины сомнения в его квалификации. Сговорились они, что ли? Угрожающе засверкав глазами, выпалил то, в чем очень хотелось обвинить Королеву:

– Издеваетесь?

Владимир Иванович на всякий случай начал извиняться, не понимая причину странной взвинченности зама.

– Да нет, просто шучу. Знаю-знаю, это должен делать Лешик, но пусть уж лучше мультики смотрит, так от него вреда меньше. – Просительно добавил, понизив голос: – Вычисти ты, будь другом, а то я эту фифочку просто боюсь. С папочкой ее хорошо знаком. Он в единственной доченьке души не чает. Если Лизонька нажалуется, разбираться не будет, кто кому должен... – голос бедняги нехорошо дрогнул.

Невольно сравнив свою контору с детским садом, где родители обиженных детишек устраивают нелепые разборки, Илья с недовольством кивнул и оторвался от мертвенно молчащего винчестера. Разобрал клавиатуру, вытряхнул из пыльного нутра парудохлых тараканов. Упорно игнорируя подмигивания веселых коллег и их напутственные пожелания «а уж Лизонька-то как будет благодарна!» под струей теплой воды протер клавиши мягкой щеткой и поставил на подоконник сушить.

Владимир Иванович полюбовался на результат его трудов и признал:

– Знаешь, Илья, за что я тебя уважаю? За то, что ты всё делаешь добросовестно. Тебе всё можно поручить. Даже такую хрень, уж извини меня. И не волноваться за результат!

После этих слов начальник укоризненно посмотрел в сторону вольготно развалившегося в кресле Лешика, с упоением глядящего очередной мультик и на укоризненные экивоки руководителя не реагировавшего.

Прекратив заведомо обреченную на провал борьбу с Барановым, Владимир Иванович обвел измученным взором кабинет. Остальные члены их дружного коллектива радовали глаз, старательно выполняя свои служебные обязанности. Даже Генрих, закончив ответственную процедуру поглощения пищи, включился в общую работу. В отделе стояла мертвая тишина, изредка прерываемая шумом приборов и звоном инструментов.

Через час начальника вызвал босс, и он поспешно ушел, оставив вверенный ему коллектив без отеческого попечения.

Генрих немедленно оторвался от починки лазерного принтера, принесенного из бухгалтерии, взъерошил рыжую шевелюру и продолжил прерванную приходом начальника интригующую тему:

– Я вот думаю, что тип, приезжающий за Лизонькой последний месяц, покруче прежних будет. Явно не из бедных, раз на джипе ездит, и сам красавец писанный. И Лизонька мило так на него поглядывает. – И сделал приятный гастрономический вывод: – Похоже, скоро свадьбу сыграем. Оторвемся... – и с вожделием, как будто голодал несколько дней, погладил себя по круглому животику.

На пару минут отвлекшийся от переживаний за судьбу обитателей Простоквашино Лешик скептически заметил:

– А тебе-то что до ее свадьбы? Нас ведь всё равно не пригласят, и не надейся!

– Почему это вдруг? – Генрих не поверил в столь огорчительное предположение. – Не такая уж у нас большая организация. В центральном офисе нас всего-то человек сорок работает. И то с уборщицами. Позовут! Лизонька жмотиться не будет, она не жадная. Пусть на свадебный банкет и не пригласит, но стол-то для сослуживцев организует, это точно.

Уловив в этих словах намек на собственную свадьбу, на которую он пригласил лишь начальника отдела и поставил для коллег всего одну бутылку недорогого шампанского, Лешик надулс и отвернулся, вновь нацепив наушники и уставясь в экран. Воцарилась недолгая пауза.

У Зайцева стремительно испортилось настроение. Чтобы не взорваться, прикусил нижнюю губу и зло подумал: «Вот пустомели! Только бы трепаться!» Стараясь отвлечься от неприятной темы, снял со стенда закончивший свою недолгую жизнь винт и стал угрюмо шлепать акт на списание. Распечатал и, прежде чем положить на стол начальнику, предусмотрительно

перечитал. И не поверил своим глазам: в строчке «подпись исполнителя» стояло – Елизавета Зайцева.

Осторожно оглянувшись, убедился, что никто из развеселых коллег не заметил его странной оплошности. Смял листок и снайперски точно послал его в стоящую около стола начальника урну, после чего принялся исправлять акт.

Игорь потянулся за отверткой и вдруг развязно добавил, с прищуром оглядывая уткнувшегося в монитор набычившегося Зайцева:

– Да, девочка хороша, кто спорит! Но, как говорится, хороша Маша, да не наша!

Лешик тотчас стянул наушники, показав, что прекрасно слышит то, что ему интересно, и возразил, по-детски болтая ногами:

– Да уж девочка, впрямь! Да в ее постели мужиков перебивало больше, чем у нас компов в починке!

Вспомнив, что он из рода тевтонских рыцарей, Генрих своеобразно вступился за честь прекрасной дамы:

– А ты откуда знаешь? Тоже там побывал?

Лешик скис и обессилено опустил голову, ножки и ручки, являя собой олицетворение неизбывной скорби:

– Таким, как мы, там делать нечего. Это же заслужить надо! А ты можешь ее в ресторанчик сводить? В тот, что напротив?

Все невольно посмотрели в окно, где, зазывая богатую публику, сиял синими пульсирующими огнями модный ресторан. Генрих отрицательно мотнул головой, отчего его пухлые губы смачно шлепнулись друг об друга.

– Да мне-то зачем Лизоньку в рестораны водить? У меня жена есть. Правда, я и ее в такой ресторанчик сводить не могу, хотя и хочется.

Лешик в горестном порыве широко развел руки, будто собираясь обнять горячо любимую бабушку.

– Вот и я не могу. Хотя тоже хочется. А Лизоньку по этим самым ресторанам каждый вечер катают! А что потом? Расплачиваться ведь надо? А чем рассчитываются женщины? Натурой, сами ведь знаете, не маленькие. Это ежели только Зайцев не в курсе, он у нас еще невинный мальчик, остальные все при женах. – И с нелегким вздохом признал: – Правда, для меня это пройденный этап.

Илья свирепо взглянул на охальника, но за свое опороченное имя не вступился. Пусть болтает, от него не убудет.

Реалист Генрих воспротивился Лешикову цинизму:

– А чего ей расплачиваться натурой? За ней с серьезными намерениями ухаживают, а вовсе не для того, чтобы на десерт употребить. Такие, как она, не для этого созданы. На ней все ее парни жениться мечтают, а ты чушь городишь. Услышит об этом хоть один из них, не сносить тебе головы. А для несерьезных целей вон на главный проспект выйди – и полный набор. Какие хочешь: и блондинки, и брюнетки, и худые, и полные. Ассортимент что душа пожелает.

Лешик дотошно поправил, скорчив мефистофельскую рожу и уточняясь ткнув пальцем куда-то вниз:

– Тут не душа желает, а другой орган, пониже. Но ты-то откуда так много знаешь про предлагаемый там ассортимент, самому выбирать доводилось, что ли?

Генрих всерьез рассердился на непристойный намек и возмущенно приподнял над столом свое тучное тело.

– Я каждый день за женой на работу заезжаю и домой с ней еду по этому самому проспекту. Глаза-то у меня есть?

Лешик немного подумал и вежливо согласился, правильно оценив разницу в весовых категориях:

– Конечно. И даже видят кое-что. Как ни странно. Хотя любоваться ты должен лишь женой. Она у тебя красивая женщина, между прочим. Как говорят, красивая жена – продолжение достоинств мужа.

Генрих тяжело плюхнулся обратно, обдумывая этот софизм и не зная, комплимент это или очередная издевка, и все, к вящему облегчению изведенного досадным разговором Ильи, замолчали.

К вечеру клавиатура просохла, и Владимир Иванович позвонил экономистам, попросив Королеву забрать столь нужный ей атрибут. Та тут же прилетела, восторженно сияя синими глазами. Зайцев мстительно подумал, что в ней всё слишком, в том числе и цвет глаз. Может, цветные линзы носит? Чтобы красивше быть и мужикам пуще головы морочить?

Лизонька, овеяв автоматизаторов нежным ароматом и демонстрируя потрясающую фигурку, остановилась посредине комнаты, опрометчиво повернувшись спиной к впечатлительному Лешику.

Тот, узрев соблазнительную округлую попку в обтягивающих брючках и белую полосу кожи над ней, тут же приложил руку к своему сверхчувствительному сердцу и скорчил мину погибающего от удушья, что, по его неприятзательному мнению, должно означать пылкую влюбленность.

Не желавший видеть этот удручающий фарс Илья перевел рассеянный взгляд на свой монитор, силясь прочесть, что же за текст он собственноручно напечатал пару минут назад. Ничего не получилось. Обычный русский шрифт превратился вдруг в загадочные китайские иероглифы. Он свирепо потряс головой, пытаясь обрести нормальное зрение.

Сияющая девственной чистотой клавиатура привела Лизоньку в полный восторг. Она радостно взвизгнула и с ликующим воплем кинулась на шею смущенному Владимиру Ивановичу. Тот поспешил восстановить справедливость, широким жестом указав на заместителя:

– Это не меня надо благодарить, а Илью!

Лизонька обвела комнату недоуменным взглядом.

– А это кто?

Все хором подсказали:

– Зайцев!

Она порозовела и поспешила извиниться, глядя на Илью широко распахнутыми покаянными глазами:

– Простите меня, пожалуйста! Я и не знала, что у вас такое красивое имя! Все вас зовут по фамилии, вот я и не в курсе.

Услышав, что разговор ведется уже с ним, Зайцев поднялся с места, как положено воспитанному мужчине, разговаривающему с дамой, и подвергнул себя тем самым нешуточной опасности. Прыткая девица немедля бросилась ему на грудь, непринужденно откинув назад согнутую в колене стройную ножку, и звонко чмокнула в щеку. Внутренне посмеиваясь в ожидании яростного протеста, восторженно прощепетала:

– Вы – мой герой! Теперь, если у меня что-нибудь случится, я буду обращаться только к вам!

К изумлению коллег вместо того, чтобы умилиться и пообещать всё, что ее душе угодно, Илья резво отпрыгнул, твердой рукой отодвинув ее на безопасное расстояние.

– А вот этого не надо!

Лизонька удивленно переспросила, делая вид, что ничего не понимает:

– Чего не надо?

Он жестко уточнил, щелкнув пальцами перед ее точеным носом:

– Ничего не надо! Ни поцелуйчиков, ни просьб! Я не мальчик по вызову!

Она исподволь взглянула на замерших в ожидании ее ответа зрителей. Стараясь не разочаровать напряженно следящую за ней аудиторию, театрально похлопала глазками и амурно хихикнула, прикрыв рот ладошкой с наманикюренными ноготками.

– Ах, какой вы забавный! Я и забыла, что у вас проблемы с женщинами! – выпалив эти провокационные слова, схватила клавиатуру и проворно выскочила из помещения, не дав мужчинам вовремя опомниться.

Первым от потрясения очнулся Лешик, от возбуждения соскочивший со своего места и подбежавший к Илье.

– Ага, Зайцев! Она, оказывается, без нас тут кое в чем убедилась! Ну-ка, колись, чем вы здесь вдвоем занимались? С чего она взяла, что ты слабоват по женской части? Или по мужской? – запутавшийся в стилистике Баранов оторопело примолк, наткнувшись на свирепый взгляд Ильи.

– Заткнись, треплю! – Зайцев никогда прежде не выходил из себя, и это добавляло весомости его теперешнему недовольству. – И без тебя эта нарциссика достала до печенок. Терпеть не могу подобных дур!

Лешик удивленно попятился, не понимая, в чем дело. Так взбеситься из-за невинной шутки? Что это с ним такое?

У Ильи отчаянно зачесались кулаки, желающие врезать промеж глаз стоявшему рядом с ним балбесу. Но он, вовремя вспомнив о своем руководящем статусе и подписанной им должностной инструкции, где ничего не говорилось о праве начальника бить бесцеремонных подчиненных, медленно развернулся и осторожно, дабы не выплеснуть лившееся через край возбуждение, сел за свой компьютер. Лешик немедленно убрался от греха подальше, осуждающе поглядывая на него через плечо.

Владимир Иванович с сочувствием посмотрел на своего заместителя. Тот покраснелся, глаза сверкали, только что пар из ушей не валил. Решив, что реакция обычно невозмутимого Ильи явно неадекватна сказанному вздору, серьезно опечалился. Ему не хотелось, чтобы под ноги Лизоньке упала еще одна жертва ее неотразимой красоты. Тем более, что пострадавший в этой истории будет лишь один. И не нужно быть провидцем, чтобы понять, кто именно.

Заметив, что смекалистый Петухов тоже, нахмутив брови, изучающе поглядывает на Зайцева, явно о чем-то догадываясь, строго приказал, желая отвлечь его от ненужной догадки:

– Хватит дурить, ребята! Работы полно.

Все замолчали и начали усердно копаться во внутренностях компьютеров, даже Лешик, почувствовавший, что перешел невидимый, но осязаемый порог болевой чувствительности коллеги.

За десять минут до конца смены в кармане у Зайцева резко зазвонил телефон. Он неохотно ответил, уже предчувствуя очередные неприятности. И оказался прав. Звонила мать. Безапелляционно потребовала:

– Илья, Костя заболел! Оля на работе, до Валерия дозвониться не могу! Зайди в аптеку, купи что-нибудь от температуры и кашля! Мальчику надо как можно быстрее дать лекарство, чтобы не разболелся! И сразу домой иди, не играй в свои дурацкие компьютерные игры! Прекрасно знаешь, что от них только тупеют!

Он безропотно вздохнул. Придется пожертвовать любимым увлечением ради семейства. Проигнорировать указание матери нельзя, хоть он и подозревал, что это очередная паника. Единственный ведь внучек, родная кровиночка, вот бабуля и носится с ним, как с писаной торбой.

Вышел ровно в шесть и спустился вниз по лестнице, пренебрегая лифтом. Пятый этаж, какие проблемы? Выскочив из помещения, глубоко вдохнул морозный воздух, скептически оглядывая давно привычную картину.

Возле здания уже выстроилось около тридцати машин разных марок, возрастов и расцветок. Это мужья-невольники смиренно ожидали своих повелительниц.

Зайцев не сразу смог выбраться из толпы спешащих к своим экипажам дам. Замешкавшись, столкнулся нос к носу с Лизонькой, неспешно выплывающей из офиса и с томным видом поглядывающей по сторонам. Оба замерли, в упор разглядывая друг друга. На ней была шикарная шубка цвета темного шоколада из неизвестного ему зверя. В желтоватом свете фонарей мех феерически искрился, подчеркивая красоту живописно разбросанных по большому воротнику пышных золотистых волос. Несмотря на довольно холодный день, шапки на Лизоньке не было. Да и зачем она ей? Пешком-то сроду ходить не доводилось, а в машинах тепло.

Остро почувствовав на ее роскошном фоне свое бесталанное убожество, Зайцев мученически прищурился, как от подлого удара ножом в спину. Заметив его неодобрительную реакцию, ничем, на ее взгляд, не спровоцированную, Лизонька ослепительно улыбнулась, сверкнув ровными белоснежными зубками, как в рекламе бленд-а-мета, и бросилась в бой.

– Опять вы, господин Илья Викторович Зайцев, стоите на моем пути! – воскликнула она, дав ему понять, что, хотя и с опозданием, но выучила его позывные наизусть. – Вам не кажется, что это уже перебор – так упорно искать со мною встреч? Утром, днем и вечером! Вам что, заняться больше нечем? Или вы пламенно в меня влюбились? Так предупреждаю сразу: это совершенно напрасно!

И гордо отвернувшись, не в состоянии больше спокойно смотреть на разъяренно-обескураженное лицо парня и с трудом сдерживая рвущийся из груди смех. Ей было даже странно от собственного возбуждения, давно она так не веселилась из-за маленького глуповатого розыгрыша.

Зайцев задохнулся от негодования, забавно выпучив глаза, и не сразу нашелся, как достойно ответить на этот явный бред. Пока он лихорадочно соображал, как поставить на место зарвавшуюся особу, не употребляя крепкие простонародные выражения, используемые, как правило, для облегчения русской души, к ним плавно подкатил новехонький черный джип. Передняя дверца приглашающе распахнулась. Лизонька, интимно подмигнув возмущенному собеседнику, скользнула в салон и отчалила, оставив Зайцева бессильно чертыхаться.

Он простоял так невесть сколько, с силой сжимая и разжимая кулаки, и опомнился только тогда, когда его в бок панибратски толкнул пробегающий мимо Лешик.

– Во дает! Чего пялишься вслед машинке? Красотка уехала, и ты не в силах побороть тоску? Может, помочь? Тут рядом славенькая кафешка есть! И выбор расслабляющего неплох.

Илья встряхнулся, как мокрая собачонка и, ничего не ответив надоевшему за день сослуживцу, энергичным шагом отправился в ближайшую аптеку. На стоявшую неподалеку Веру Гавриловну, начальницу экономического отдела внимания не обратил. А она, наоборот, внимательно наблюдала за ним, озабоченно покачивая головой в модной фетровой шляпке.

Зайдя в аптеку, Илья по совету фармацевта купил нужные лекарства, сел на автобус и через десять минут был дома.

Мать, мгновенно уловившая его приход, тут же выскочила в прихожую, не обратив внимания на вылетевшего следом за ней зеленого волнистого попугайчика. Не сказав ни слова, вырвала из рук сына упаковку с лекарствами и умчалась к больному внуку. Илья недовольно пожал плечами. Вот паникерша! Парню почти десять лет, не год и не два! Чего так нервничать?

Скинул купленную куртку и заметил за вешалкой в углу пушистого серого кота, исподтишка занимавшегося любимым делом, а именно раскачиванием черепахи, которую он для большей амплитуды перевернул на спину.

Черепашка уже впала в транс, вывалив по сторонам кожистые лапы и постукивая об пол костяной головой с закатившимися глазами. Мурзик, ударив по краю панциря лапой с втянутыми когтями, с упоением следил за мерными движениями изобретенного им маятника, кото-

рый плавно качался туда-сюда, принося кошачьей душе исключительно эстетическое наслаждение, поскольку сожрать черепашку он никогда не пытался.

Илья перевернул черепаху, сердито выговорив коту за самоуправство. Черепашка, придя в себя лишь через пару минут, с крейсерской в ее понимании скоростью умотала под шкаф, где Мурзику до нее было не добраться. Расстроенный кот запрыгнул на банкетку и начал рьяно вылизывать длинную шерсть, кося на лишившего его удовольствия Илью недобрым желтым глазом.

Тут из кухни донесся гневный вопль, и оттуда вылетел испуганно верещащий попугай, за которым гнался глава семейства со сверкающей поварешкой в руке, ввергающей Кешку в священный трепет. Видимо, она представлялась ему длинной блестящей змеей, которую он никогда не видел, но страх перед которой сидел глубоко в генах.

Отец, ругаясь, плотно прикрыл за собой кухонную дверь, и попугай, севший от греха подальше на рожок люстры, несколько успокоился и принялся искать козла отпущения, дабы успокоить свои взъерошенные нервы.

Наученный горьким опытом Илья стал боком отступать к дверям в свою комнату, не выпуская попугая из поля зрения, а Мурзик с опаской следил за пернатым бандитом, по-охотничьи выпустив острые когти. Возбужденный попугай, увидев барственно развалившегося на банкетке кота, счел это подлым вызовом лично ему, выкрикнул нечто непристойное и стрелой ринулся на него.

Мурзик не успел вовремя среагировать, и Кешка, вцепившись бедняге в загривок, с упованием долбанул его по темечку, отчего кот подпрыгнул на полтора метра, дико взвыл и кинулся на кухню. Протаранив своим весом плотно закрытую дверь, нырнул под стол и прижался к ногам хозяина, уверенный, что лишь тот сможет защитить его от безжалостного нападения.

Умный попугай, памятуя об обитающей на кухне кошмарной поварешке, взлетел обратно на люстру, угрожая чирикая. В чириканье явственно слышалось обещание: «Мы еще встретимся».

Чертыхаясь, отец снова плотно прикрыл дверь.

Увидев глядящий на него в упор злобный попугайский глаз и понимая, что очередь дошла и до него, Илья мгновенно нырнул в свою комнату и быстро захлопнул дверь, спасаясь от летающего хулигана.

– Что за жизнь! В собственном доме нельзя появиться, того и гляди исключют!

В своей девятиметровой комнате, самой маленькой в квартире, заставленной старой, но еще добротной мебелью, переоделся в серый спортивный костюм. Зажав в руках свернутую рулоном газету, отбиваться от попугая в случае нападения, быстро пробежал на кухню, где за обеденным столом, накрытом розовой полиэтиленовой скатертью с тисненными цветочками, сидел отец. Увидев сына, отложил «Аргументы и факты», которые всегда начинал изучать с конца, где были статейки погорячее, снял очки, и мрачно признался, опасливо понизив голос:

– Знаешь, о чем я мечтаю всё последнее время? Чтобы рыб сожрал кот, попугай утопился в аквариуме, а черепаха сдохла под шкафом от кайфа, накачавшись до инфаркта.

Илья со смехом поправил:

– Ну, черепаха же не нарочно качается, это Мурзякин ее терроризирует.

Отец выпятил нижнюю губу и возразил:

– Ничего подобного! Ты не замечал, что черепаха сама выискивает кота, если он про нее забывает? Для нее качание – вид наркотика. Она от этого в нирвану впадает.

Сын вспомнил эйфорическое выражение черепашней морды, и вынужден был согласиться.

– Может быть. А с Мурзиком ты что собираешься делать?

Услышав свое имя, кот мяукнул и потерся о ногу хозяина, явно стараясь его умиловить. Отец снисходительно ответил:

– Да пусть живет. От него хоть иногда польза бывает. Я в прошлом году своими глазами видел, как он в коридоре мышью жрал.

Илья брезгливо скривился, удивляясь доверчивости отца.

– Да не факт, что он ее и поймал. Вполне возможно, что мышью попугай задавил в очередном приступе буйства, просто есть не стал. Не попугайская это еда.

Отец призадумался и с кряхтением признал:

– Да, вполне возможно. Вот ведь какого бандита мать купила. Так достал меня уже этот зверинец, сил нет! Куда ни пойдешь – везде зверье. И снизу, и сверху. И всё для счастливого детства единственного внучонка, чтобы он жил полноценной и радостной жизнью. А я, может, хочу, чтобы у меня счастливая старость была! – Отец, надувшись, рывком развернул газету, отгораживаясь от собеседника.

Сын почитать ему не дал.

– А что с Костей-то опять? Действительно заболел?

Любящий дед скривил презрительную гримасу.

– Да, бедный малыш закашлял, температурка поднялась. Но это и понятно, завтра контрольная по математике. А мы с тобой оба хорошо знаем, как Константин любит сей предмет. Просто обожает.

Илья, постоянно занимающийся с племянником патологически непереносимой тем математикой, понимающе кивнул. Новое слово в медицине, аллергия на математику. Завтра, стоит закончиться контрольной, на которую племянник, по всей видимости, не пойдет, все болезни тут же отступят. Неплохой выход, если плохо знаешь предмет.

Отец кивнул на кастрюли, стоявшие на плите и ревниво сказал:

– Руки помыл? Садись ешь. Мать на нас сегодня всё равно внимания обращать не будет. Ей не до того. У нее объект для интенсивной заботы появился.

Илья налил себе во вместительную фаянсовую тарелку горячего ароматного борща и начал неторопливо есть, откусывая по большому куску черного хлеба.

Отец серьезно на него смотрел, опустив газету на колени. Немного неловко проговорил:

– Сын, ты почему никак не женишься? Мне и на твоих внуков посмотреть охота. Няньчаться, правда, не обещаю.

подавившись от неожиданности, Илья с упреком взглянул на отца.

– Ты о чем, батя? Какая женитьба? Мы и так вшестером ютимся в трехкомнатной квартире! Ладно бы одна семья, а то по сути три! Коммуналка уже получилась! Сестра о втором ребенке давно мечтает, но завести его не может, потому что места нет! И еще я жену приведу? Куда?

Отец стыдливо покашлял и немигающе уставился на холодильник, как начинающий гипнотизер.

– А ты жену с квартирой найди, и сам к ней уйди.

Илья задушил в себе детский вопрос – почему я, а не Ольга? – и горько проговорил:

– Батя, ты на меня посмотри! Я что, похож на супермена? – вспомнил оценивающе-пребрежительный взгляд, которым его сегодня окинула Лизонька, и на душе вновь стало препаршиво. – Кому я нужен? Нормальные женщины живут так же, как я, а банкирши-бизнесменши, да дочки богатеньких папашек себе других ищут – богатых, красивых, успешных. К тому же, сам подумай, как вы без моей зарплаты жить будете? На одну-то пенсию?

Отец сердито сжал узловатые натруженные пальцы.

– Да мы и сейчас на одну пенсию живем. Причем мою. И твоя зарплата, и материна пенсия – всё в ту семью уходит, – он сердито качнул ногой на комнату дочери. – Им всегда не хватает. То дубленку Ольге купить надо, у нее шуба вся износилась, ходить в ней стыдно, то Константину срочно спортивный костюм понадобится. Вот мамуля и отстегивает из наших,

заметь, денежек! Мы же с тобой ничего не просим, нам и так хорошо. А если и попросим, ничего нам не отвалится. Мы же так, для obsługi.

И в очередной раз с сердитым хлопком развернул газету. Илья не возражал, его порой тоже доставало стремление матери во всем угодить сестре. Отец, высунув из-за газеты негодующе сморщенный нос, сварливо добавил:

– А ты и не собираешься жениться! Тебе и тут хорошо. Полный пансион, чего еще надо! Хороших женщин вокруг полно, только посмотри! Вон на третьем этаже Галина, тридцати еще нет, сама себе хозяйка. Сейчас, когда бабка померла, квартира ей досталась двухкомнатная. Живи да радуйся. Или вон в соседнем подъезде Ирина с пятого этажа. Твоих лет. Ну и что, что разведенная и дите есть? Зато женщина добрая, самостоятельная, и с квартирой. И не ее вина, что муж у нее пропойца был. И чего ты копаешься, парень? Правильно ведь сказал, что не супермен! Смотри, годы-то идут! Тридцать четыре уже, тридцать пять скоро! Не мальчик давно!

Илья смолчал. Чего зря спорить? Отец прав.

Доел ужин и пошел к себе, оставив отца в одиночестве читать газету и дуться неизвестно на что.

Предусмотрительно выглянув в коридор, убедился, что зеленого хулигана на люстре нет и дорога свободна. По дороге заглянул в комнату сестры, увидел сидящего в клетке расстроенного собственным простодушием нахохленного Кешку. Догадавшись, что попугай купился на кусочек обожаемого им банана, Илья, бормоча под нос, – «и на старуху бывает проруха», – ушел, довольный наступившим возмездием.

В своей комнате поставил в музыкальный центр диск с записями разных групп и растянулся на диване, слушая музыку. Прикрыл веки, желая вслушаться в мелодию, но перед глазами тут же всплыли золотистые волосы и манящие голубые глаза.

Он зарычал от злости и рывком сел, стараясь развеять мираж. Что это такое? Она ведь совершенно не в его вкусе! Когда это ему нравились глуповатые амбициозные девицы, считающие, что весь мир валяется у их ног? Разумно объяснил себе свои неотвязные мысли: просто она так достала его сегодня, что из ума не выходит. Стоит немного отдохнуть, и он всё забудет.

С твердой решимостью выполнить эту установку лег на спину и крепко зажмурился, ожидая появления Лизоньки. Она не появилась, зато в мозгу заскакали зеленоватые пересекающиеся круги. Это его устаивало куда больше, и он расслабился, старательно подсвистывая в такт мелодии. Тут же распахнулась дверь и возмущенная мать громко запротестовала:

– Илья! У нас и так денег нет, а ты свистишь в доме! Последние деньги высвистишь!

Он вздохнул и замолк. Мать знала тысячи примет, соблюдать которые заставляла всех остальных членов их семейства, хотя благосостояние от этого не увеличивалось.

Через час презентовался едва стоявший на ногах Валерий. Долго звонил, даже после того, как ему открыли дверь. Ввалившись в прихожую, начал дисциплинированно застегивать распахнутую дубленку, собираясь идти в ней в комнату. Мутным взглядом оглядел вышедших ему навстречу хмурых родственников и заплетающимся языком попытался объяснить свое позднее появление:

– Да мы это, там, день рождения у нее отмечали!

Не став выяснять, где конкретно и с кем их распрекрасный зять чего-то там отмечал, мужчины привычно стащили с него одежду и запихнули в ванную, запретив закрываться, боясь, что он заснет, не закрыв воду, и дверь придется вышибать. Прецеденты такого рода уже случались.

Через десять минут, несмотря на упорное сопротивление пригревшегося в ванной зятя, изъяли его оттуда и под негодующие вопли вздыбившегося попугая – «Мерзавец! Пьяница! Свинья!» – кинули на кровать отсыпаться. Валерий, сладко посапывая, тут же отрубился, довольный честно исполненной жизненной установкой спать в собственной постели. По его

мнению, сон в собственной постели означал одно: жена к нему никаких претензий предъявлять не имеет права.

Расстроенная мать, на минуту выскочившая из своей комнаты, где сидела с больным внуком, ворчливо выговорила, покачивая поседевшей головой:

– Скоро мужик совсем сопьется! И что делать, ума не приложу! К наркологу его сводить, что ли?

Решив, что перевоспитание совершеннолетнего зятя вовсе не его проблема, Илья снова спрятался от семейных невзгод в своей комнате. Взял в руки детектив Бориса Акунина, одолженный у Игоря, растянулся на диване, раскрыл книгу на первой странице, но читать не стал. Положил раскрытую книгу на грудь и уставился в потолок, прислушиваясь к себе. Чувство внутри было неприятным, странный коктейль из досады, осознания собственной ущербности и нелепой боли, будто его кто-то сильно обидел.

Чтобы заглушить вытягивающее силы беспокойство, пошел в комнату родителей, откуда больного племянника изъехала вернувшаяся с работы сестра. Включил старенький, еще советской сборки телевизор. Прошелся по каналам, наткнулся на английский сериал про Эркюля Пуаро и стал смотреть, наслаждаясь игрой актеров и прекрасной постановкой. Через полчаса в комнату вошла замученная Ольга в длинном велюровом халате, тяжело шлепнулась рядом и кисло заметила:

– Хорошо ты в жизни устроился, Илюха! Никаких проблем у тебя нет, сиди на мягком диванчике да телевизор посматривай!

Он встал и молча ушел к себе, не досмотрев фильм.

Глава вторая

Рассерженные мужчины, ожесточено переругиваясь и запинаясь о неровное ковровое покрытие, доволокли огромную елку до актового зала и бросили ее возле стены. Путь их каравана остался отмечен зелеными иглами и маленькими колкими веточками. Начальник административно-хозяйственного отдела Сергей Владимирович, лично принимавший участие в этом нелегком деле, мрачно прокомментировал, устало вытирая пот со лба и тяжело отдуваясь:

– И какой дурак умудрился отхватить такую великаншу? Красивая-то она красивая, но ведь под самый потолок! Метров шесть, как пить дать! – И, обойдя вокруг нее, уныло посетовал: – Ну, дотасили, а как поднимать? И устанавливать как? В ней же весу тонна, не меньше! Крепежа для нее у нас нет! Шлепнется, не дай Бог, на кого-нибудь, греха не оберешься! Может, ее так и оставить лежать себе вдоль стенки? Будем законодателями новоиспеченной елочной моды.

Привлеченная его громкими причитаниями, в зал на цыпочках вошла Людмила Тихоновна, менеджер по работе с персоналом, трудившаяся в их конторе больше двадцати лет. К всеобщему сожалению, на нее, помимо безукоризненно выполняемых ею прямых обязанностей, периодически вваливали и другие поручения, с которыми она справлялась далеко не блестяще.

Услышав слова Сергея Владимировича, она сконфуженно хихикнула, разглаживая складочки своего черного брючного костюма, будто пытаясь элегантностью внешнего вида восполнить нехватку сообразительности. Добровольно призналась, понимая, что ее всё равно разоблачат:

– Этот дурак – я!

Дружная команда конторских мужчин, только что на своей шкуре прочувствовавшая ее новогоднее приобретение, зверски на нее посмотрела.

Она покаянно продолжала, виновато прижав руки к пышной груди:

– Понимаете, в ангаре, где она продавалась, темновато было, и высокой она не казалась. Я как-то не сообразила о высоте елки спросить. – И, стараясь оправдаться, бодро доложила: – Но крепеж для елки есть. Мы и не таких красавиц здесь в былые времена устанавливали. Насколько я помню, он на складе лежит, в самом конце.

Сергей Владимирович, не размышляя, остановил свой орлиный взор на дружной троице, которой доверял больше всех, и кивнул, поручая выполнение сего архиважного дельца. Илья с Генрихом и Лешиком молча вышли в вестибюль.

Людмила Тихоновна рванулась следом в наивной попытке исправить свой промах. Но Сергей Владимирович, справедливо считающий, что на сегодня она достаточно поспособствовала укреплению дряблой мужской мускулатуры, предупредительно сказал:

– Да вы не ходите никуда, Людмила Тихоновна, они взрослые сообразительные люди и вполне справятся сами!

Взрослые сообразительные люди, у которых горели ладони от перетаскивания маленькой новогодней елочки, иронично переглядываясь, спустились по лестнице в сыроватую прохладу подвала. Терпеливо подождали, когда к ним из своей комнатухи выплывет кругленькая добродушная кладовщица Лидия Мефодьевна и откроет дверь.

Быстро проскочили помещение первого, более-менее благоустроенного склада, в который сами сгружали-выгружали то одно, то другое, и остановились перед невысокой железной дверью, выкрашенной в темно-зеленый цвет. Лешик выставил вперед ногу в утыканной зелеными иглами серой кроссовке и торжественно продекламировал, призывая коллег поверить в чудеса:

– Прямо как в сказке! Про золотой ключик! Сейчас Лидия Мефодьевна откроет волшебным ключиком сию таинственную дверцу, и мы попадем в прекрасное царство подземных фей!

Кладовщица приземленно прервала его восторг:

– Подземных фей не бывает, в сказках под землей только гномы живут. И у нас в этом складе ничего доброго нет. Старье одно, которое валяется только потому, что списывать времени нет. Да и желания, если честно. Кому охота в грязи возиться да пылью дышать. Заходите! – и, с трудом повернув в навесном замке большой темный ключ, отодвинула засов и распахнула пронзительно заскрипевшую дверь.

Пройдя в сумрачное помещение, осторожно понюхали застоявшийся воздух. Пахло плесенью, ржавым железом и старой бумагой. Генрих забеспокоился, прикрывая нос клетчатым носовым платком.

– Тут у меня еще и аллергия разыграется. Я книжную пыль не переношу. Так что давайте поскорее!

Поисковая команда неуверенно посмотрела по сторонам. Какой конец имела в виду шепутная Людмила Тихоновна? Дверь находилась ровно посередине длинного, похожего на трамвайный вагон помещения, с бетонными некрашеными стенами и низким наклонным потолком. Освещался склад тусклыми сорокаваттовыми лампочками, добрая половина из которых не горела. У дальних стен вообще стоял густой тягучий полумрак.

Спросили кладовщицу о подставке под елку, она задумчиво сморщила невысокий лоб, отчего на нем образовались три глубоких морщины.

– Ох, я ведь недавно здесь работаю. При мне больших елок не ставили. Не знаю, где и искать. По накладным мне никакого крепежа не передавали, самоделка, небось, какая-нибудь. Их не учитывали.

Начали поиски. Прошли вдоль стен, ничего. По проходам мимо стеллажей, на которых хранилась всякая всячина с тем же результатом. В полутемном углу шли осторожно, почти сливаясь в своих рабочих черных халатах с окружающим полумраком. Сделав безрезультатный круг, вернулись обратно к двери.

Отчаявшийся Лешик пронзительно воскликнул:

– Ох, уж эти бестолковые бабы! – и с силой хлопнул себя по бедрам, выбив из сатинового халата изрядную пригоршню остроконечных елочных игл. Вытаскивая из ладони впившуюся в нее иголку, взъярился: – И зачем было отправлять за елкой Людмилу Тихоновну, хозяйственников, что ли, нет?! Наверняка ведь сама вызвалась, не иначе! Она у нас в каждую бочку затычка! Без нее ни одно дело не обходится! Да любой мужик сначала бы подумал, войдет ли елка в помещение и как ее крепить! Эту дурацкую подставку, может, выбросили уже сто лет назад, а мы лазим тут, как дураки!

Вздрогнувший от гулко-го эха Илья с неодобрением посмотрел на паникера.

– Да не голоси ты раньше времени! Может, мы не то ищем? Если крепеж действительно самодельный, то какой он может быть? Раз для ствола, значит, круглый. Возможно, это небольшой отрезок трубы с дырками для упоров. Давайте пройдем еще разок.

Мужчины снова пошли по тому же маршруту. В самом углу наткнулись на вертикально стоящий отрезок толстой трубы, выкрашенный серебрянкой. Илья подхватил его, вынес на свет, и они смогли рассмотреть находку повнимательнее. Похоже, что это была главная составляющая подставки, поскольку в трубе были просверлены основательные дыры. Благостно покивав друг другу головами, принялись искать упоры. На сей раз повезло Лешику. Его заинтересовали странные длинные трубки, выкрашенные всё той же серебрянкой, сложенные аккуратной кучкой на нижней полке стеллажа. Подошедшая Лидия Васильевна боязливо пояснила:

– Это я их из прохода убрала, чтобы под ногами не мешались. Не могла понять, для чего они, ну и прибрала до лучших времен. А труба на стеллаж не входила, я и оставила ее в проходе.

Сгребя разысканное елочное приданое, автоматизаторы гордо вернулись в актовый зал. Там их терпеливо дожидалась еще не разбежавшаяся по своим рабочим местам елочная бригада, отметившая доблестное возвращение героев дружным «ура»!

Воспрянувший духом Сергей Владимирович, у которого перестала болеть голова об изготовлении подставки для елки, сослался на неотложные дела и заторопился к выходу, предоставляя расхлебывать устроенное Людмилой Тихоновной безобразие оставшимся.

Та, немедленно приняв руководство на себя, выступила на середину зала и набрала полную грудь воздуха, чтобы подвигнуть мужчин на дальнейший подвиг. Заметив это, начальник АХО, притормозил в дверях и дружелюбно посоветовал ей на прощание:

– Вы, Людмила Тихоновна, лучше уж идите отсюда, а то наши мужчины после непосильной работы уж о-очень темпераментные! Прямо как африканцы! Попадете под горячую руку – жалеть потом будут все.

Несколько сконфузившись, Людмила Тихоновна воспользовалась дружеским советом и выскользнула из зала, предоставив мужской части коллектива демонстрировать смекалку самостоятельно, без ее мудрых житейских советов, чем они и занялись.

Для начала немного подтесали толстый комель елки, чтобы он вошел в предназначенное ему отверстие. Вставили его в отрезок трубы вместе с частью упоров, и с помощью сложной системы веревок, постоянно натываясь на колючие ветки и беспрестанно матерясь, подняли елку. Быстро поставили на место оставшиеся упоры, привинтили и отпустили веревки. Осторожно пошатали ствол, готовясь в любой момент отскочить, если повалится, но елка стояла непоколебимо, удерживаемая не очень эстетичным, но надежным основанием. Зал огласился громовым «Ура!»

Шедший мимо Олег Геннадьевич, их генеральный директор, зашел в актовый зал, привлеченный шумом и, высоко задрав голову, оторопело посмотрел на огромную, под пятиметровый потолок, елку. С уважением обвел взглядом красных, взъерошенных, но довольных сотрудников.

– Вот это да! Насколько я понимаю, это чудо отхватила Людмила Тихоновна. Умеет же она елочки выбирать! Ну, ее мы благодарить не будем, а вот тем богатырям, кто тащил и устанавливал елку – премию из директорского фонда!

Зал снова огласился радостными воплями, а директор, всё также недоуменно покачивая головой, вышел из помещения, спрашивая себя, какого лешего он разрешил Людмиле Тихоновне съездить выбрать елочку. Единственным оправданием может служить лишь то, что ему и в голову не могло прийти, как такое простое на первый взгляд дело можно превратить в испытание выносливости и смекалки для всей мужской части коллектива.

Довольные неожиданной премией сотрудники уже с гораздо большим энтузиазмом продолжили украшение елочки.

Наконец суетливый Лешик, честно стараясь заменить своей тощей персоной многоголовую толпу, с истошным воплем: «Елочка, зажгись!» – воткнул штепсель в розетку, и гирлянды загорелись радостным подмигивающим светом, перебегающим сверху вниз. Звезда наверху замерцала тоже, отбрасывая вокруг розоватые лучи. Игрушки под потоками света стали выглядеть гораздо наряднее, и вся елка приобрела законченный, вполне новогодний вид.

Поаплодировав себе за красиво сделанную работу и бросив последний взгляд на елку, мужчины хотели было разойтись по отделам, но тут навстречу им из дверей выпала Лидия Мефодьевна, героически волочившая за собой две огромные картонные коробки. Мужчины по-джентельменски забрали у нее поклажу. Она поспешила за ними, отфыркиваясь и слегка переваливаясь, как упитанная утка. Немного сконфуженно пояснила:

– Да они не тяжелые, просто громоздкие! Это имущество нашего распавшегося профсоюза, то есть бесхозное. Я, честно говоря, не знаю, что в них, никогда не заглядывала. Просто

на коробках написано: Дед Мороз и Снегурочка, вот я их и притащила. А может, там и не они вовсе, кто знает.

Илья стал развязывать коробку, стянутую крепким матерчатым шпагатом. Игорь молча принялся за другую. Через минуту сообразили, что веревки легче разрезать, чем развязать. Генрих, запасливый, как хомяк, вытащил из кармана небольшой перочинный нож, и коробки были благополучно освобождены. Крышки с обеих сняли одновременно. Раздался изумленно-восторженный свист.

Надписи не обманули³, внутри и в самом деле лежали дед Мороз и Снегурочка. Фигурки почти метрового роста были аккуратно упакованы в желтоватую от времени вату вместе со стеклянными блестящими шарами, видимо, сложенными сюда для сохранности. Сначала достали серебристые с золотым напылением шары, повесили их на раскидистые лапы елки. Следом с должным пиететом вынули сначала румяного Деда Мороза в расшитой серебряной канителью долгополой красной шубе и высокой шапке, затем золотоволосую Снегурочку с широко распахнутыми большими голубыми глазами в синем с серебром шелковом наряде. Фигуры были добротнo сделаны из шелка, гофрированной бумаги и папье-маше. За долгие годы краски не потускнели и радовали глаз так же, как много лет назад.

Лешик, отряхивающий Снегурочку от приставшей к ее костюму ваты, повернул ее так и сяк и заметил:

– Снегурку прям с нашей Лизоньки срисовали. Один к одному. Будто портрет.

Зайцев со странно замершим сердцем взглянул на фигурку. Она смотрела на него нежным, немного печальным взглядом, о чем-то безмолвно прося. Не понимая, чего от него хотят, он недоуменно пожал плечами, забыв, что перед ним лишь безгласная кукла. Мужчины, обступившие находку, зашумели. Чтобы прекратить не слишком лестные комментарии в адрес Лизоньки, Илья скомандовал:

– Ну ладно, мы и так потратили кучу времени! Ставим их под елку и уходим!

Выполнив его указание, бригада разошлась по рабочим местам. Задержавшийся Зайцев присел на корточки перед стоявшей под елкой Снегурочкой и чуть дрогнувшей рукой провел по ее светлым волосам. Кукла смотрела на него с тем же просительным выражением, и он, проведя по ее жесткой щеке костяшками пальцев, печально прошептал:

– Чего же ты от меня хочешь?

Снегурочка молчала, не желая ничего объяснять непонятливому мужчине. Он хмуро усмехнулся, поднялся и пошел к выходу. В дверях повернулся и бросил прощальный взгляд на одиноко застывшую фигурку. Она казалась трогательно беззащитной и печальной.

С тяжелым сердцем Илья проговорил сквозь зубы:

– Это лишь бездушная кукла и ничего больше. Не стоит тратить на нее ни времени, ни сил. Ни на нее, ни на ее копию.

Развернувшись, решительно вырвался из захватившего его сумрачного настроения и вышел из зала.

Двадцать девятого, в день новогоднего банкета, выйдя из отдела, чтобы его мучениями не любовались насмешливые коллеги, Илья с отвращением разглядывал на свое франтоватое отражение в большом коридорном зеркале, чувствуя нарастающее раздражение от собственного напыщенного вида. Напрасно он поддался настойчивым увещаниям матери – Новый год, надо выглядеть не хуже остальных! – и напялил парадный костюм, купленный в прошлом году на тридцатилетие сестры.

Темно-серый, в почти невидимую узкую полоску, он был, на его взгляд, чересчур элегантным и оттого казался чужим и неудобным. В довершение мучений жесткий воротник подобранной в тон жемчужно-серой рубашки безжалостно впивался в подбородок. Он провел пальцем по горлу и поморщился. Завтра на этом месте наверняка будет болезненная красная полоса.

Повернувшись к зеркалу боком, пригладил коротко стриженные волосы, стараясь успокоиться и прийти в обычное невозмутимое расположение духа, но не получилось. Раздражение нарастало, по-прежнему не давая покоя. Что бы случилось, приди он на вечер в привычном черном свитере? Кому бы от этого стало хуже? Подергал давивший шею узел галстука, затянутый утром недрогнувшей рукой Ольги, и поморщился.

Может, снять его к чертовой матери? Или хотя бы ослабить? Он воровато взглянул по сторонам и уже протянул руку к предмету пытки, но остановился на полдороге. Отвисший галстук заметят все, и наверняка найдется немало женских ручек, желающих его поправить. Он поморщился от подобной перспективы и оставил всё как есть. Уж лучше потерпеть.

В том же унылом настроении вернулся в отдел, где царил приятная предпраздничная суэта. Лешик, наряженный в строгий черный костюм и белую рубашку с кокетливой золотистой бабочкой, сосредоточенно пытался забросить подрагивающей рукой на высоко висящую люстру пестрый шарик серпантина, но постоянно промахивался. Возможно, оттого, что в обед, не выдержав предвкушения, уже принял сто граммов пятизвездочного армянского коньячку. Но не отчаивался, терпеливо поднимал упавшие на пол тонкие полоски бумаги, старательно сматывал и с завидным упорством повторял попытку снова и снова.

Остальные члены коллектива, за исключением начальника, уткнувшегося в монитор и что-то судорожно печатавшего, пристально наблюдали за безрезультатными усилиями коллеги, старательно воодушевляя его на новые свершения, не пытаясь, впрочем, помочь. Им нравился сам процесс, в исполнении Лешика принявший вид небольшого забавного скетча.

После очередной неудачной попытки Зайцев забрал у горемыки шарик и метким броском послал в нужное место. С люстры свесился длинный закрученный шлейф из трех разноцветных лент. Зрители восторженно зааплодировали.

Заслышав странный шум, Владимир Иванович недоуменно поднял голову. Заметив свисающее сверху украшение, обеспокоился:

– А не загорится? Бумага всё-таки...

Зайцев хмуро заметил:

– А с чего? Я серпантин не на светильники забросил, а на лапу. Она же не греется.

Начальник умиротворенно протянул: А-а... – и, вполне успокоенный, вернулся к неотложным делам.

Генрих, посмотрев в окно, через которое виднелось быстро темнеющее небо, выразительно, как стихотворение, продекламировал:

– Да-а, сегодня ночью полнолуние. Снег не идет, может, вывездит. Будет как в гоголевскую «Ночь перед Рождеством». Красота! Эх, жаль, что мы не дети, и не верим в чудеса. А как бы хотелось, чтобы исполнились если не все желания, то хотя бы одно, заветное!

Зайцев судорожно сглотнул внезапно возникший в горле ком. Что за чушь! Нет у него никаких заветных желаний! Ему и так хорошо! Даже очень.

Начальник, до слуха которого донесся мерный бой курантов по радио, испуганно вскинулся и упрекнул мечтательно примолкших сотрудников:

– Что вы молчите, четыре часа уже! Начало вечера прозевали! Опоздали! Опять Олег Геннадьевич обвинит нас в необязательности! Живо пошли!

Подчиненные, иронично поглядывая на своего разгневанного властелина, покорно встали, поправили костюмы и выстроились цепочкой у выхода. Дисциплинированно подождали, пока начальник выключит компьютер, закроет дверь на ключ, и лишь потом, уважительно пропустив его вперед, вслед за ним сбежали вереницей по лестнице, напоминая стайку послушных гусят при сердитом гусаке-воспитателе.

Войдя в актовый зал, вся группа, за исключением Владимира Ивановича, одновременно вскинула руки и помахала ими над головами в одинаковом приветствии. Завидев их комичное

появление, народ радостно захихикал и зааплодировал, считая это заранее отрепетированным представлением.

Несколько ошарашенный бурным приветствием Владимир Иванович оглянулся и, широко улыбнувшись, тоже замахал рукой, пытаясь не отставать от сотрудников.

Все отделы уже сидели за своими столиками и с вождением поглядывали на стоявшее перед ними яства, не решаясь притронуться к ним без одобрения начальства. Олег Геннадьевич, нетерпеливо поглядывающий на часы, сердито постучал указательным пальцем по циферблату, указывая Владимиру Ивановичу на явное опоздание. Дипломатично сделав вид, что ничего не заметил, тот прошел к оставленному для автоматизаторов столику.

Директор, увидев, что вверенный ему коллектив в сборе, важно прошел вперед и начал приветственную речь.

Низко склонив голову, Зайцев тихо злился на себя, сжимая в руке пластмассовый бокал с пузырившимся шампанским. Не успел он войти в зал, как его взор с фатальной быстротой выхватил из массы столиков один, за которым устроилась улыбающаяся Лизонька. Рядом с ней в неприятной близости сидел незнакомый мужчина в черном смокинге, глядевший на нее с нескрываемым восторгом. Неприязненный взгляд Ильи отметил, что загорелая рука красавчика покоится на оголенном локте Лизоньки, резко выделяясь на белой коже.

Живот у Ильи тут же стянуло тугим узлом. Очередной бойфренд! Хоть бы на корпоративные вечеринки своих ухажеров не таскала!

Очнулся от горьких размышлений лишь тогда, когда глотнул холодного шампанского, и оно ударило ему в нос острыми углекислыми колючками. Как у него в руках оказалось вино, не помнил. Взглянул перед собой, перед ним стояла тарелка, полная салатов. Сам он ее наполнил или кто-то другой?

Обвел глазами коллег. Все, держа в руках бокалы с шампанским наготове, внимательно слушали искусную речь босса. Он тоже посмотрел на Олега Геннадьевича, но не услышал ни слова. Казалось, тот просто равномерно раскрывает рот, как выброшенная на берег рыба. Но вот все закричали громкое «ура!», и звук вновь прорезался.

Илья резко потряхнул головой, избавляясь от наваждения, и залпом допил шампанское. В горле противно закололо, дыхание перехватило. Пока он прокашливался, в зале наступила относительная тишина, прерываемая звяканьем приборов и тихими просьбами – передайте, пожалуйста! Голодные коллеги отрывались по полной программе, удовлетворяя настойчивое требование пустых желудков.

Не терявший зря времени Лешик, пропустив мимо ушей явно неуместное в данной ситуации замечание начальника: – «Не спеши, напиться ты всегда успеешь!» – открыл бутылку Смирновской и первым делом до краев налил рюмку себе, любимому. Вспомнив, что он не алкоголик, по крайней мере пока, стал искать компаньонов. Генрих, неодобрительно посмотрев на водку, всё же разрешил плеснуть себе полсотни граммов. Игорь, не осиливший еще шампанское, страстно им ненавидимое и поэтому употребляемое лишь раз в году исключительно в силу форс-мажорных обстоятельств, хмуро бросил:

– Допью, тогда!

Илью Лешик обошел, поскольку тот водки принципиально не пил. Бокал сухого красного вина, да и то потому, что полезно, вот и всё, что тот позволял себе в праздники за все годы их совместной службы.

Но тут Зайцев, с безнадежной удачей сверкнув серыми глазами, внезапно протянул Баранову пустой бокал и сухо бросил:

– Налей!

Сраженный Лешик наполнил бокал до краев:

– Ну, друг, прости, я же не знал, что ты дозрел до взрослой выпивки!

Илья зловеще оскалился, но промолчал. Под обеспокоенным взглядом занервничавшего Владимира Ивановича залпом влил в себя содержимое, закусил хрустящим маринованным огурчиком, протянутым ему заботливым Генрихом, и почувствовал, что, хотя пищевод зажгло огнем, но сердце стало биться ровнее, а завязанный в животе тугим жгутом узел развязался.

Откинулся на спинку стула и уже почти хладнокровно огляделся вокруг. Прямо над головой висел благостно-розовый плакат с пожеланиями большого личного счастья. Он скептически усмехнулся, презрительно кривя губы. Какое в жизни может быть счастье? И вообще все чувства цепь примитивных химических реакций, не более того. В голове, просветленной алкоголем, наступила полная ясность.

Несмотря на заставленный аппетитными закусками стол, есть совершенно не хотелось. Вытянув голову, попытался рассмотреть, что делается за остальными столами, но увидел лишь франта, прижимающего к своим губам нежную Лизину ручку. Досадуя на себя, стремительно отвел глаза и философски пожал плечами. А ему всё равно!

Зазвучала известная с детства новогодняя мелодия о родившейся в лесу елочке, и в зал торжественно вплыли приторно ликующие Дед Мороз и Снегурочка, заказанные всё той же Людмилой Тихоновной в какой-то развлекательной фирмочке. Зайцев пристрастно оценил вошедших, начав, естественно, с девушки.

Снегурочка была вполне ничего, с хорошей фигурой и приятным личиком, но всё равно не дотягивала до красоты, сидевшей в зале со своим дурацким обожателем. Худощавый долговязый Дед Мороз едва не выпадал из собственной одежды, его красная атласная шуба явно предназначалась более упитанному волшебнику. Но Зайцев, несколько расслабленный праздничной атмосферой и выпитой водкой, к подобным пустякам придирается не стал.

Началась с измательства привычная процедура. Народ с воодушевлением разгадывал известные всем загадки, пел песенки и рассказывал стишки, получая за это небольшие сувенирчики. Некоторые стишата были весьма фривольного содержания, за что их рассказчики удостоивались осуждающего взгляда Олега Геннадьевича.

Лешик тоже попытался во всеуслышанье рассказать гадость собственного сочинения, но предусмотрительный Владимир Иванович вовремя оттеснил его от Деда Мороза и заставил вернуться за стол, где тот в порядке сатисфакции допил последние оставшиеся в бутылке живительные капли.

Коллектив продолжал бесхитростно веселиться, дружно крича: «Елочка, гори!» и старательно водя хороводы вокруг елки.

Илья всё это время упорно сидел на стуле и гадал, до каких же пределов можно впасть в детство. Его смешили горящие глаза и румяные от азарта щеки сослуживцев. Рядом с ними он чувствовал себя слишком старым и слишком мудрым, чтобы предаваться подобным занятиям. В голове безостановочно стучало: «И когда же это закончится?»

Но вот в очередном конкурсе пришлось участвовать всем отделам. Задание было довольно простое, но каверзное: под аккомпанемент принесенной Дедом Морозом гитары представитель каждого отдела должен был спеть песню, начинающуюся на междометие типа «ах, ох, ой, эх», и так далее.

Честь отдела автоматизации доблестно защитил его руководитель, первым выскочивший к елочке и довольно приятным баритоном, совершенно не фальшивя, исполнив русскую народную песню «Ой, мороз, мороз!»

Сев обратно за стол, сконфуженно объяснил ошеломленным его тщеславным выступлением сотрудникам:

– А я больше никаких песен на междометия не знаю. Вот и пошел первым, чтобы ее никто раньше не спел. Хотя, может, я зря поторопился? Может, кто-то из вас хотел исполнить перед коллегами чего-нибудь этакое? Может, у кого-нибудь актерские таланты зазря пропадают?

От такого предположения даже трудно соображающий Лешик несколько протрезвел и отчаянно замотал головой, отрицая всякую возможность выставить его дураком перед придирчивой публикой. Остальные горячо пожали начальнику-герою, своей грудью защитившему их от артистических мук, его мужественную руку.

Но вот остался один отдел – экономический. Все с сочувствием смотрели на их столик. Песенок на междометия никто больше не знал. Последняя, спетая организационно-методическим отделом, была вспомнута всей конторой с большим трудом. Первую фразу, как это обычно бывает, знали почти все, а вот что должно быть потом, не помнил даже сам Дед Мороз, хотя ему по должности положено было знать народные песни.

Вышедшая к елочке защищать честь родного отдела Лизонька вызвала в зале ласковые усмешки. Все понимали, что ей достаточно похлопать газельими глазками и сказать своим музыкальным голосом «Ой, извините, я от волнения всё забыла», чтобы растаявший от ее невинной улыбки Дед Мороз немедленно вручил ей главный приз. Он ведь тоже всего лишь мужчина, и от лицезрения одной только изящной ножки, обутой в открытую туфельку на высоком каблуке, вполне мог заморозить всех потенциальных конкурентов в зале.

Но Лизонька повела себя неадекватно общественным ожиданиям. О чем-то пошептавшись с Дедом Морозом, забрала у него гитару, привычно перекинула лямку черед плечо, взяла несколько стройных аккордов, и запела красивым глубоким контральто:

Ах, зачем эта ночь так была хороша!

Не болела бы грудь, не страдала б душа!

У Зайцева свело зубы от звучащего в ее голосе неподдельного чувства. Народ в зале замер, слушая волшебную мелодию. Лизонька уверенно допела песню до конца, не пропуская ни слова, и зачарованная публика, заслушавшись, не сразу поняла, что удовольствие закончилось. Лишь когда она начала стаскивать с плеч гитарную лямку, раздались громкие хлопки и крики «браво» и «бис». Ей пришлось повторить эту песню, а потом спеть еще несколько, поскольку подогретые алкоголем зрители решительнейшим образом не хотели лишаться такого чудного развлечения.

В результате восстанавливать справедливость пришлось лично Олегу Геннадьевичу. Он вышел к растерявшемуся от неуправляемости зала Деду Морозу, галантно помог девушке освободиться от музыкального инструмента и проводил ее на место, попутно объясняя коллегам, что Елизавета Александровна такой же член коллектива, как и они. И имеет такое же право отдохнуть в новогодний вечер, как и все остальные. Зал разочарованно охнул, когда она села на свое место, но воле босса не противился.

Владимир Иванович немного расслабился, с облегченным вздохом откинувшись на спинку стула. Он всё сольное выступление Лизоньки с опаской поглядывал на Зайцева. Тот смотрел на нее таким мрачным горящим взглядом, что восприимчивому Владимиру Ивановичу стало не по себе. Ему в бешеном взоре Ильи чудилось роковое обещание – не мне, так и никому! Но Владимир Иванович напомнил себе, что Зайцев – спокойный и уравновешенный человек, опытный инженер с высшим образованием и уж, конечно, ни о чем подобном не думает. Это у него самого нервишки разыгрались, и ничего более. Владимиру Ивановичу припомнились нелегкие молодые годы, когда он ухаживал за своей будущей женой, и он всей душой сопереживал парню, так нелепо влюбившемуся.

Это же надо! Был бы красавец, тогда еще была бы надежда. А то не урод, конечно, но ничего особенного. К тому же старше предмета своей страсти лет на десять. Сколько там Лизоньке? Он прикинул – если она пришла к ним сразу после университета пару лет назад, значит, ей сейчас лет двадцать пять, не больше. Он сочувственно покачал головой. Да, злополучная история.

Он и раньше отмечал неровное отношение Ильи к девушке, но особого значения этому не придавал. Красивой, но пустоголовой особой увлекались многие представители мужского пола,

но быстро остывали, убедившись в ее непостоянстве и легкомыслии. Но с Зайцевым случай особый, на него ее глупости не действовали. Владимир Иванович удрученно опустил взгляд – тут уж никто помочь не в силах, разве что один бог времени Хронос!

Зайцев, пристально наблюдающий за Лизиним выступлением, с досадой просек, как навстречу ей и Олегу Геннадьевичу с улыбкой собственника поднялся ее великолепный кавалер. Низко склонившись, поцеловал ручку и бережно усадил на место, заботливо отодвинув стул. Что за черт! Он снова почувствовал себя здесь лишним. Окинул взглядом полный зал. Да, сбежать не удастся. Во всяком случае, до танцев.

Наконец культурно-развлекательная программа окончилась. Дед Мороз с внучкой распрощались с воодушевленным ими народом и ушли, провожаемые громкими благодарственными возгласами.

Когда заиграла мелодия медленного вальса, голова Ильи, как притянутая магнитом, снова повернулась в уже привычном направлении, и он увидел, как красавчик в черном смокинге встал и, склонившись, пригласил на танец свою спутницу. Они вышли в круг, приковав к себе всеобщее внимание.

Грациозно, ведомая опытной рукой партнера и приветливо ему улыбаясь, красотка плыла в облаке чувственной музыки, словно не замечая устремленных на нее со всех сторон глаз.

Илья мрачно наблюдал, как поклонник, ухватив Лизоньку за тоненькую талию и крепко прижимая к себе, что-то настойчиво шептал ей на ушко, отчего та смущенно улыбалась, но не отстранялась. Очнулся от устроенного Лешиком грохота, когда тот прерывистыми зигзагами добрался до своего столика и, чуть было не промахнувшись, упал на сиденье, заставив стул опасно накрениться. Рывком выровняв стул и ощутив под сидалищем надежную опору, Баранов с облегчением вздохнул и предусмотрительно решил никогда больше с милым стулом не расставаться.

Следом за ним подошел Игорь, устроивший себе небольшой передых от шумных танцев. Взглянув на мрачного Илью, сходил в загашник за сценой и принес еще одну бутылку Смирновской. Не спрашивая, налил себе, смурному Зайцеву, и чуть-чуть плеснул на доньшко Лешикова бокала. На возмущенный вопль обделенного укоризненно заметил:

– Тебе и без того хватит. Это только чтобы поддержать компанию.

Тот недовольно икнул, но спорить не стал.

– Ну, вздрогнем! – Игорь двусмысленно подмигнул Илье. – Пусть в наступающем году исполнится всё, чего так хотелось, но не случилось в уходящем!

Зайцев с сомнением посмотрел на хитроватого чертяку, но тот уже отвернулся, хрумкая маринованным огурчиком и нескромно наблюдая за соблазнительными ножками прыгающих неподалеку девиц. Илья глубоко вздохнул и одним махом осушил рюмку. По жилам пробежало обжигающее пламя, горло перехватило горячим спазмом. Одуревшим взлядом пошарил по столу, увидел остатки салата оливье и, не утруждая себя перекладыванием его в свою тарелку, доел прямо из салатницы. Приложился к горлышку бутылки с минеральной водой и несколько пришел в себя.

В голове и теле образовалась приятная невесомость. Казалось, в жизни всё возможно, если приложить к этому самый минимум усилий. Понимая, что добром эта эйфория не кончится, дал себе слово больше не пить. Напиваться до такой степени ему покамест не доводилось, и он несколько опасался, что будет вести себя, мягко говоря, нестандартно. На примере любящего расслабиться зятя прекрасно знал, насколько пьяные теряют над собой контроль, и боялся ляпнуть лишнее.

Встал, проверяюще покачался на легких, как пушинка, ногах. Вроде держат. На цыпочках, как любовник посередине чужой спальни, стал красться к выходу.

Быстрый танец кончился, заиграли неторопливый венский вальс, и тут черт дернул его оглянуться. Взгляд сразу упал на Лизоньку, одиноко сидевшую за своим столом и с нетер-

пением поглядывающую на часы. Ее кавалер, с трудом выжимая из себя вежливую улыбку, кружил возле елочки пламенеющую от возбуждения Катю, посылая Лизоньке укоризненные взгляды. Похоже, это она заставила его пригласить на танец подругу, чтоб сделать той приятное.

Ноги сами понесли Илью к Лизе, совершенно не считаясь с суматошными командами головы: стоять! немедленно назад! спастись бегством! Пока очумевшая от такой наглости голова пыталась совладать с непокорным телом, он уже склонился над Лизонькой и прерывающимся голосом выговаривал приглашение на танец.

Она, не зная, как поступить, с сомнением затеребила браслет на левой руке, заслонившись пустой дежурной улыбочкой. Отказать? Сказать, что дико устала? Жаль было унижать мужчину. Любой отказ – удар ножом по мужскому самолюбию, это она усвоила давно. И Лизонька с сомнением согласилась, надеясь, что ей не придется об этом пожалеть.

Выйдя в толпу танцующих, положила руки на грудь партнеру и почувствовала, как дрогнули его плечи. Он трепетно обнял ее за талию, чуть слышно вздохнул и медленно повел в танце, ничего не говоря.

Заметив напряженный взгляд, устремленный на ее губы, Лиза насторожилась. Что это с ним? Не хотелось бы каких-нибудь душещипательных сцен. Конечно, у нее есть некоторый опыт по их предотвращению, но всё-таки...

Партнер нервно подергал головой, и она догадалась, что галстук его просто душит. Подняла руки и одним привычным движением ослабила узел галстука, чем заслужила его признательный взгляд.

– Как вы догадались?

Она решила напомнить, что здесь не одна:

– У Макса постоянно такая же проблема.

Поняв, что она говорит о своем спутнике, Зайцев помрачнел и отвернулся. Рядом с ним пронеслись Катя с Максом и Илья получил от последнего откровенно предупреждающий взгляд. Это его ничуть не встревожило и он даже позволил себе нахально подмигнуть заволновавшемуся от такой беспардонности Максиму.

Некоторое время они танцевали вполне прилично, ничем не отличаясь от других пар, так же неторопливо кружащих вокруг огромной елки. Поравнявшись с игрушечными Дедом Морозом и Снегурочкой, Лизонька вопросительно показала на них подбородком.

– А правда, что это вы их нашли?

Зайцев несколько мгновений тупо смотрел на девушку, прежде чем уразумел вопрос.

– Нет, это Лидия Мефодьевна. Мы просто елку сюда приволокли и установили.

Закинув голову, Лизонька посмотрела наверх, восхищенно окидывая взглядом зеленую громадину и провокационно демонстрируя партнеру белую шейку. Он даже пошатнулся, до того захотелось прижаться губами к нежной ямке у основания шеи. Глядя на грандиозную елку, Лизонька полувосторжено-полуиспуганно прошептала:

– Какой кошмар!

Он угрюмо согласился, думая о своем:

– Кошмар. И еще какой!

Ей стало не по себе, исходящее от него напряжение тревожило, заставляя ожидать привычных и таких ненужных признаний, и она, дабы разрядить накаленную обстановку, попыталась глуповато пошутить. Обычно после достаточно идиотской шутки ухажеры трезвели и смотрели на нее с легким разочарованием, что вполне ее устраивало. Для начала прикинулась, что не знает, женат ли он.

– Илья Викторович, а как отнесется к вашему позднему появлению ваша жена? Не прилетит случайно?

Ее насмешливый голос несколько остудил охвативший его жар.

– Я не женат.

Глуловато хихикнув, она поправилась, чувствуя, что следует верным курсом:

– Ну, подруга...

Илья напрягся, глядя в ее снисходительно-равнодушное лицо. Нехотя признал:

– У меня никого нет.

Она развязно фыркнула, стараясь, чтобы это выглядело как можно более пошло:

– Что, до сих пор резвый мальчуган? И чего в супе не хватает?

Эйфория, охватившая его рядом с Лизой, не позволила ему понять, о чем идет речь.

– В каком супе?

Фамильярно посмеиваясь, она надменно пояснила, как малолетнему несмышленищу:

– В вашем. Про свой-то я всё знаю.

Он вспыхнул, отчего на скулах зажглись темные пятна, и внезапно с такой силой прижал ее к себе, что она оказалась распластанной по его телу. С полуобморочным удивлением подумала, что он гораздо сильнее, чем кажется. Прошептала, с трудом вдохнув:

– Вы что, перебрали сегодня, Илья Викторович? С друзьями выпивкой не поделились?

Тяжело дыша и сильно напрягшись, с трудом, как будто отрывая от тела собственную кожу, он отстранился от нее на приличное расстояние, продолжая молча танцевать. Лизонька, переведя дух, осторожно посмотрела по сторонам, не обратил ли кто из сослуживцев внимания на их сверхпылкие объятия. Вроде никто в их сторону не пялился.

Макс, в это время круживший Катю на противоположной стороне елки, их не видел. Лиза мысленно перекрестилась, вспыльчивый поклонник не преминул бы заехать конкуренту кулаком в лицо при малейшей попытке посягательства на свою территорию. Она давно убедилась, что мужчины по сути своей примитивные самцы, отчаянно защищающие свои владения. Но вот только она не хотела быть ничьей собственностью.

Но что случилось с Зайцевым? Никогда он так себя не вел, наоборот, всячески подчеркивал свое к ней равнодушие, что ее вполне устраивало. Наверняка малость перебрал, мужчины часто совершают странные поступки, немного перепив.

Илья не заметил, когда закончилась музыка и разошлись танцующие. Они остались одни, давая коллегам повод для пересудов. Лизонька беспокойно постучала пальчиком по его груди, заставляя очнуться. Он неохотно убрал руку с ее тонкой талии и медленно повел к столику, придерживая под локоток.

Она с некоторой опаской посматривала то на него, то на ожидающего их с мрачным лицом кавалера. Макс вклинился между ними, не дожидаясь, когда они подойдут поближе и приложился к ее щеке, будто поставил свое клеймо.

Лизонька сумрачно подумала, что Макс становится уж очень назойлив, считая, что свадьба не за горами. Всё с той же милой, но равнодушной улыбкой поблагодарила Илью и села за стол. Макс злобно посмотрел на соперника, не скрывая ревности и угрожающе сжав кулаки. Илья молча отошел, стараясь превозмочь острое сожаление. Какого лешего он кинулся ее приглашать?

Вышел из банкетного зала в фойе, проигнорировав зазывно раскрытые дверцы лифта, взбежал по лестнице на пятый этаж. Остановившись перед закрытыми дверями отдела, воровато осмотрелся: не наблюдает ли кто-нибудь за ним из-за угла. Нашупав на стоявшем в углу коридора старом шкафу небольшую твердую проволочку, подхватил ее двумя пальцами, чтобы не испачкаться в пыли. Согнул из нее небольшую загогулину, вставил в замок и легонько покрутил в разные стороны, одновременно нажав цифры кодового замка. Дверь приглашающе распахнулась.

Он вытащил проволоку, снова распрямил ее, аккуратно положил обратно. Пригодится еще в его бурной жизни квалифицированного взломщика.

Достал из шкафа куртку с шапкой, передел обувь и вышел из кабинета. Захлопнул за собой дверь и резво попрыгал вниз по лестнице. Радуюсь, что никто из знакомых навстречу не попался и уговаривать его вернуться на торжество некому, вихрем пробежал по вестибюлю.

На ходу попрощался с бдительно стоявшим у входа охранником, удивленно посмотревшим вслед первой ласточке, улетающей с новогоднего вечера. Мельком взглянул на большие электронные часы под потолком и машинально отметил – двенадцатый час! По меркам их конторы, детское время.

Погода была чудесная, всего минус десять градусов без ветра. С темного неба падал невесомый снежок, ласково ложась на плечи. Фонари, освещавшие путь, придавали падавшим с невидимого неба белым хлопьям по-детски сказочный вид. Свежий снежок, поскрипывающий под ногами, искрился маленькими звездочками.

Илья с горестным восторгом взирал на эту благодатную картину. Настоящая новогодняя ночь, созданная для чудес. Но вот только чудес не бывает. Во всяком случае, в его жизни они никогда не случались. И, конечно, их не будет и впредь.

Он стремительно шел сквозь ночь, стараясь ни о чем не думать. Ровно через сорок минут оказался у родного подъезда. В знакомом дворе шатались парочки веселящейся в преддверье нового года молодежи и раздавался звонкий девичий смех.

Илья вдруг печально подумал, что никогда не гулял так ночами. А надо бы. Может, давно бы был женат и так же страшился вызвать недовольство любимой жены, как семейственный Генрих.

Открыл квартиру своим ключом. Как ни пытался проделать это как можно тише, из своей комнаты всё равно выскочила рассерженная мать в заштопанном фланелевом халате, впопыхах накинутом на ситцевую ночнушку.

– Что так поздно?! Двенадцать часов уже!

Он внезапно взорвался, как будто на его перегруженный верблужий хребет попытались взгромоздить последнюю невыносимую соломинку.

– Мама, я давно уже не мальчик! И не должен перед тобой отчитываться по каждому пустяку! Я еще утром напомнил тебе, что вечером новогодний банкет! Я вполне мог прийти и на следующий день, оставшись на ночь у какой-нибудь подруги!

Мать изумленно прикрыла рот рукой, как будто только теперь заметив, что сын действительно вырос. Примириительно сказала:

– Ну-ну, не шуми! Я ведь просто беспокоюсь!

Он молча прошел в ванную, погонял по телу то жгуче-горячие, то угнетающе ледяные струи. Постоял, ожидая, пока с разгоряченного тела испарятся последние капли воды, прошел в свою комнату и лег в постель. Закрыв глаза, и в ушах снова зазвучали звуки изысканного томного вальса. Руки, вспомнившие, как лежали на ее талии, загорелись огнем, а сердце вновь мучительно сжалось. Только мозг, холодный и безжалостный, вспомнил слова Игоря и с оскорбительной откровенностью донес их до взбудораженного сознания:

– Хороша Маша, да не наша!

Он с резким выдохом зажмурил глаза и твердо сказал себе:

– Да я терпеть не могу эту бестолковую красотку! В супе у меня, видите ли, чего-то не хватает! Это у нее мозгов не хватает! Или, что наиболее вероятно, их у нее вовсе нет!

Глава третья

Владимир Иванович, для безопасности отодвинув телефонную трубку на весьма приличное расстояние и сморщившись, как пересушенный сухофрукт, слушал повизгивающий женский голос, рвущийся из мембраны. Сухо бросил:

– Не волнуйтесь, сейчас всё сделаем! – и обвел сумрачным взглядом немногочисленных сотрудников, оставшихся в строю после добросовестной встречи Нового года. – Сейчас пришло Игоря! – голос в трубке что-то возмущенно проверещал. Владимир Иванович твердо возразил: – Нет, вы не правы, он хороший специалист! – негодующий голос не сдавался, всё сильнее набирая обороты.

Начальник, не желая зря трепать нервы, которые, как известно, не восстанавливаются, стал рассматривать другие кандидатуры. Оценил состояние беспрерывно чихающего Генриха и с ходу отверг самую возможность отправить эту бомбу замедленного действия к здоровым людям. Не хватало еще, чтобы его обвинили в террористических замыслах против дружественного отдела. Что ж, оставался последний вариант. Вкрадчиво предложил копающемуся в системном блоке заместителю:

– Илья, сходи к экономистам, у них там что-то с принтером неладно.

Тот нехотя оторвался от работы, с немим упреком посмотрел на взвинченного начальника и покорно поплелся наверх. Владимир Иванович, потирая широкий лоб, с сомнением смотрел ему вслед. У него появилось тоскливое чувство матери, отправляющей свое невинное дитя прямиком в пасть кровожадному крокодилу.

Зайцев дошагал до кабинета экономистов и без стука распахнул дверь. Тут же раздался испуганный визг и кто-то полуголый метнулся за шкаф. Принципиально не обращая внимания на укоряющие взгляды остальных вполне одетых дам и лихорадочное копошение за спиной, он прямиком, не глядя по сторонам, прошествовал к сетевому принтеру, стоящему в самом центре помещения. Лизы в комнате не было, это Илья почувствовал кожей, даже не видя ее стола.

Любовь Николаевна, роковая красавица весьма за тридцать, с потрясающими зеленоватыми кошачьими глазами и манерными повадками американской кинодивы, наряженная в короткое изумрудное платье под цвет глаз, осуждающе протянула, негромко похлопывая ладонью по столу:

– Вы бы, Илья Викторович, стучались, что ли, когда входите в кабинет к женщинам!

Он протестующе выпятил нижнюю губу, не собираясь соглашаться с ее нереальными требованиями, и заявил:

– А у нас нет кабинетов с женщинами, у нас пока еще не бордель. К тому же вы меня сами вызвали, причем срочно. Прекрасно знаете, что я не ангел и не бестелесный дух, а мужчина, поэтому могу предположить лишь одно, – вы специально затеяли переодевание именно сейчас, чтобы я смог чем-то там полюбоваться. Только вот для чего было так быстро исчезать? Я почти ничего не успел разглядеть!

Любовь Николаевна, поразившись, пристальнее посмотрела на обычно молчаливого и сдержанного автоматизатора. Илья, сердито посверкивая серыми глазами, рывком повернул принтер, и склонился над ним, буквально излучая возмущение. Встав рядом с ним, она коварно предложила:

– Что, повторить на бис?

Он строптиво подтвердил, упрямо выдвинув вперед подбородок:

– Конечно, и помедленнее, пожалуйста! И передо мной! Чтобы хорошо было видно!

Из-за шкафа раздался негодующий писк, отвергающий это крайне неприличное требование. Полупрезрительно пожав плечами: – мол, сами не знаете, чего хотите! – Зайцев прекратил бестолковые препирательства и занялся работой.

Пунцовая от смущения Катя, невольно продемонстрировавшая ему свою лилейную девичью грудь в новом черном кружевном бюстгальтере, вышла из-за шкафа уже в обычном виде и скромно уселась на свое место, стыдливо уставившись в монитор.

Илья бросил на нее насмешливый взгляд и взял в руки выплунутую принтером бумажку. Любовь Николаевна, притаившаяся у него за спиной, пронзительно протараторила ему прямо в ухо, заставив его невольно вздрогнуть:

– Видите, какие поля? С одного боку пусто, с другого густо! Отправляешь на печать одно, а получаешь невесть что!

Отодвинувшись от нее на максимально возможное расстояние, чтобы не оглохнуть, Илья открыл настройки принтера, поправил размер полей и проверил вновь отправленный на печать документ. Вроде нормально.

Сухо кивнул в ответ на кислотоватую благодарность сотрудниц и вышел, мимоходом взглянув на стол Лизоньки. Он пустовал. Что ж, так он и думал. Новый год отмечать надо с размахом. Денег и так полно, к чему ей работать?

Едва он закрыл за собой двери, как Любовь Николаевна, облизнувшись, как кошка при виде горшка сметаны, откровенно заметила, мечтательно поглаживая пальчиком скользкий корешок обтянутого целлофаном ежедневника, будто уже лаская гладкое мужское плечо:

– А ведь он ничего! Симпатичный! Я раньше на него что-то внимания не обращала, а зря! Надо будет заняться им вплотную! – и бесстыдно хихикнула.

Катя, скромная незамужняя девушка тридцати лет в мешковатом сером костюме, превратившим ее в бесполое и неприметное существо, не одобрила неприличного порыва сослуживицы:

– Вы ведь замужем, Любовь Николаевна! И муж у вас хороший! Так не отбивайте у нас последних незанятых парней! У нас и без вас возможностей немного!

Красотка комфортно устроилась в своем кресле, скрестила ножки, обтянутые итальянскими лайкровыми колготками цвета бронзы и залюбовалась своими стройными округлыми коленями. От несмелых возражений развязно отмахнулась, сочтя их несущественными:

– Да что ты, Катя! Он же как неразбуженный подросток! Им должна заняться опытная сексапильная особа! Вот пройдет он через мои ласковые руки и поймет, что такое настоящая женщина! А то как можно оценить то, чего не знаешь! А ты со своей неискушенностью всё равно ничего от него не добьешься! Напортишь только!

Молчавшая до сей поры Марья Ивановна, прямодушная дамочка немного за пятьдесят, сердито возразила:

– Да он женщинами и не интересуется вовсе! Так что успокойтесь, пожалуйста.

Любовь Николаевна, услышав эту странную фразу, резко повернулась к коллеге и удивленно переспросила:

– А что, у него другие ориентиры, что ли?

Марья Ивановна криво усмехнулась ее нескрываемой озабоченности:

– Он же игрок, а у игроков другие ценности в жизни. И он не просто игрок, а этот, как его, геймер. Так что с ним вам ничего не светит.

Любовь Николаевна с облегчением вздохнула, поняв, что еще ничего не потеряно:

– Это ровно ничего не значит. Просто он еще не встретил в жизни ту единственную, которая будет ему дороже всех этих компьютерных игрушек вместе взятых! – и со значением поправила на груди длинный медный локон.

Марья Ивановна согласилась:

– Может, и не встретил. Но с вами-то он уж точно валандаться не станет. Он порядочный человек и с замужними женщинами не путается, несмотря на всю вашу прыть. Вот помяните мое слово!

Возбужденная сопротивлением Любовь Николаевна энергично стукнула всей пятерней по клавиатуре, будто взяла мощный аккорд на рояле, и воскликнула, объявляя вызов их маленькому сообществу:

– Объявляю сезон охоты на зайцев! И не пытайтесь его спасти, предупреждая об опасности и всё такое прочее! Я всё равно своего добыю!

Марья Ивановна хотела было возразить, но, что-то сообразив, внезапно усмехнулась и коварно поощрила:

– Ну-ну, попробуйте, охотница вы наша! Не подстрелите только сами себя! А то как бы вас саму спасти не пришлось!

Любовь Николаевна таинственно улыбнулась: – посмотрим! – и, не считая нужным отвечать на явные инсинуации, занялась делом. Она была совершенно уверена в своих смертоносных для мужчин чарах. Спасения для бедолаги Зайцева не предусматривалось.

Не подозревая начало охоты на самого себя, но тем не менее сердцем чуя надвигающуюся опасность, Зайцев спустился в свой отдел и плюхнулся в кресло, еще больше хмурясь. Владимир Иванович опасливо поинтересовался, поглядывая на его сжатые кулаки:

– И что там такое было?

Илья с усилием разжал пальцы, взял отвертку и зловеще сказал, делая акцент на слове *пока*:

– Да *пока* все живы.

Владимир Иванович скрупулезно уточнил, начиная всерьез опасаться за экономистов:

– Что значит: пока? Что они еще там натворили?

– Очень просто! Если для меня еще раз стриптиз будут устраивать, то я за себя не ручаюсь. Они там лифчики примеряли. – Зайцев с силой воткнул в паз злосчастную отвертку, рискуя сорвать резьбу.

Игорь встрепенулся и горестно попенял начальнику:

– И почему вы меня к экономистам не отправили, Владимир Иванович? Зайцеву на обнаженное женское тело смотреть вредно. У него неудовлетворенные желания могут перейти в неуправляемые реакции. Что мы и наблюдаем. А мне можно, я женат. Есть возможность для удовлетворения возникающих потребностей.

Воспитанный в аскетическом духе строителя коммунизма и, как многие советские граждане, твердо убежденный, что секса в приличном обществе нет и быть не может, начальник зарумянился от негодования, как юная непорочная девица, и возопил:

– Игорь Владимирович! Ведите себя достойно, вы на работе!

Как подтверждение этого смелого заявления раздалось громоподобное «апчхи»! Игорь небрежно покосился на сопящего Генриха, с интересом прислушивающегося к разговору, но не имеющего возможности участвовать в нем из-за постоянного чихания.

Спрей от аллергии, который он через каждые полчаса брызгал в нос, облегчения страдальцу не приносил. Петухов вообще был уверен, что болеет Рудт исключительно от неумеренного употребления лекарственных средств, поглощаемых в несообразных количествах.

Илья обличающе продолжил, всё сильнее разъярясь:

– Они это специально затеяли. Картридж вполне могли поменять и сами. В первый раз, что ли? Менял же кто-то у них картриджи раньше, нас ведь не звали. И принтер почти нормально печатал, ну разве что настройки чутко сбились. А тут, как раздевания разные затеяли, сразу предлог для моего появления изобрели. Зрителя им для полного счастья не хватало. И бурных аплодисментов.

Владимир Иванович успокаивающе махнул рукой, считая, что тот явно преувеличивает.

– Да успокойся ты, Зайцев! Откуда они могли знать, что я пошлю именно тебя, а не женатиков Петухова или Рудта? Думаешь, и им такое же представление бы устроили?

Илья с искренним недоумением посмотрел на недалекого руководителя. Притворяется, или на самом деле не понимает? Логически свои выводы обосновал:

– А кто бы еще пошел? По принтерам у нас специалист Лешик, а все знают, что после праздников он недееспособен. Генриха тоже никто и на порог не пустит, он же бациллоноситель.

Рудт после этих слов насупился еще сильнее и стал похож на желтоватого тающего снеговика. Илья, не считая, что в его словах есть что-то обидное, за что нужно извиняться, повернул голову в сторону Петухова:

– Игорь может снизить на просьбу симпатичной женщины, но, если его насильно заставить заниматься таким низким делом, как починка принтера, специально напакостит, чтобы его больше подобной ерундой не грузили!

Тот скорчил проказливо-виноватую рожицу, но опротестовывать эти справедливые слова не стал.

Илья сухо констатировал:

– Поэтому его и не зовут. Скорее наоборот, сами же слышали. Вы, Владимир Иванович, отпадаете сразу, поскольку вам такая работенка не по чину, значит, остаюсь только я. Меня и ждали. – Зло добавил, угрожающе взмахнув отверткой: – В следующий раз я специально буду стучать в бабские отделы по полчаса, прежде чем войти, чтобы разбить все их дурацкие надежды. Обольщать меня там будут, как же!

Владимир Иванович задумался. Объяснение казалось вполне правдоподобным. Неужели их конторские дамы и в самом деле вознамерились прибрать к рукам последнего холостяка? Ну, Бог им в помощь! И решил по мере возможности им в этом трудном деле помогать. Посмотрел подобревшими карими глазками на взъерошенного сотрудника и елеин посоветовал:

– Ты уж очень-то не задавайся! Скоро у тебя маниакальная боязнь женщин появится! Прятаться от них начнешь по темным углам!

Поощрительно хохотнув густым баритоном, Игорь поддержал начальника, предложив радикальный вариант:

– А давайте его в паранджу завернем! Пусть гуляет надежно укрытым от всех неприятностей! Или, наоборот, свяжем и в ЗАГС притащим, пригласив предварительно какую-нибудь хорошую девушку туда же. И пусть только попробует сказать «нет»! После этой процедуры терять ему уже будет нечего, кроме своих супружеских цепей.

Генрих в перерыве между очередным чихом добавил противным гнусавым голоском:

– А пригласить в ЗАГС надо Катю! Девушка она милая, и на Илью смотрит очень любезно!

Показательно насвистывая разбитной мотивчик, Зайцев начал ловко собирать системный блок, всем своим видом подчеркивая, что пустая болтовня сослуживцев к нему никакого отношения не имеет. Но те не унимались, перебирая все новые варианты насильственного вывода коллеги из застойного холостяцкого состояния:

– Или, может, соблазнить его? Только вот кто на это решится? И кому он поддастся? Он же стойкий оловянный солдатик. Лизонька уж больно хороша, но ведь ей некогда. Столько поклонников – сегодня один, завтра другой.

У Зайцева дрогнула рука, и отвертка сорвалась, проведя по черному корпусу блока длинную корявую царапину. Он неслышно выругался, негодуя на себя. Игорь заметил этот срыв, но как ни в чем не бывало продолжал, пряча в глазах лукавую хитринку:

– А где она сегодня? Я вчера к экономистам заглядывал, у нее даже комп не включен, – и посмотрел на начальника, ожидая ответа.

Не видя смысла скрывать сию страшную тайну, тот нехотя объяснил, с опаской поглядывая на своего непредсказуемого заместителя:

– Говорят, она уехала в Альпы с этим своим Максом, покататься на горных лыжах. Отпуск взяла за свой счет на пару недель.

Услышав про Макса, Зайцев моментально отвернулся, делая вид, что рассматривает поломанный винчестер и отчаянно пытаясь погасить глупую вспышку ревности. Что ему до Лизоньки? Они друг другу чужие и в этом качестве будут пребывать и впредь. И ему нет никакого дела, с кем развлекается эта записная кокетка.

На следующее утро на столе у Зайцева прозвучал настойчивый звонок телефона. Звонили по местной линии. Он опасливо взял трубку, досадуя, что на аппарате нет определителя номера. Насколько с ним проще было бы жить. Не нравится звонивший, можно трубку и не брать.

– Алло! Это Зайцев? – узнав резкий голос Любви Николаевны, напрягся в ожидании неизбежных провокаций, на которые та была большая мастерица. Уяснив, что у аппарата искомым объект, дамочка высокомерно повелела: – Илья Викторович! Не могу включить компьютер, а у меня срочная работа! Бегом ко мне! – и, не давая ему вставить ни слова, бросила трубку.

Он почувствовал себя жалкой комнатной собачонкой, получившей от строгого хозяина команду принести в зубах домашние шлепанцы. Хмуро посмотрел вокруг, раздумывая, кому бы перепоручить столь противное дело.

Владимир Иванович был у директора на очередном совещании. Лешик всё еще страдал от последствий полноценной встречи Нового года, выпросив у сердобольной участковой врачихи больничный. Генрих никак не мог избавиться от аллергии, непрерывно чихая, закатывая глаза при каждом громогласном чихе и закрываясь очередным клетчатый носовым платком, которых приносил каждый день по доброй дюжине. Игорь бессовестно опаздывал на работу, очевидно, проспав. Идти было некому.

Пересиливая себя, медленно потащился на вызов, безуспешно пытаясь умерить накал зловещего предчувствия. Едва передвигая ноги, безнадежно убеждал себя, что в экономическом отделе работает не одна Любовь Николаевна и, следовательно, бояться ему нечего. Зашел в кабинет, быстро глянул по сторонам, и по поджилкам заструился неприятный холодок.

Сбылись его худшие предположения, дамочка пребывала в пикантном одиночестве. Она казалась потрясающе сексапильной в обтягивающей черной прозрачной кофточке и просвечивающем сквозь нее черном кружевном лифчике, отчего Зайцев почувствовал неодолимое желание поскорее удрать от греха подальше.

Но не удалось.

Едва завидев его, она поднялась навстречу и, мурлыкнув: «Ну, наконец-то!» – мягко толкнула его на свое место. Сердце у Ильи сделало двойной кульбит. Он тупо посмотрел на экран, на котором светилась предупреждающая надпись о дискете в дисководе. Вытащил ее, и комп послушно загрузился.

Любовь Николаевна хихикнула, стараясь хоть немного зарумяниться от предполагаемого смущения.

– Ах, какая я невнимательная! Но я это исправлю!

И, не давая ему освободиться из плена компьютерного кресла, поставила рядом стул, перерезая путь к отступлению. Сноровисто выставила на стол заранее приготовленные большие керамические чашки, сахарницу, банку растворимого кофе и пачку шоколадного печенья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.